

П.КОРНЕВ

ЦЕНТРОТ
ТОМ 2

Павел Николаевич Корнев

Цейтнот. Том 2

Серия «Резонанс», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Двадцатый год жизни, второй курс института. Время постигать премудрости оперирования сверхэнергией, тренироваться, выпивать с друзьями и оказывать знаки внимания симпатичным барышням. И ты всем этим ещё непременно займёшься, если только переживёшь навалившийся тяжким грузом вал проблем.

И дело отнюдь не в слишком активной жизненной позиции или излишнем рвении в следовании назначенным самому себе приоритетам, просто столичная командировка внезапно обернулась противостоянием с иностранными агентами, навязчивым интересом республиканского идеологического комиссариата и не всегда приятными встречами со старыми знакомыми. И это ещё цветочки. Самое лихое впереди!

Содержание

Часть первая: Интервенция	4
Глава 1	4
Глава 2	41
Глава 3	77
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Цейтнот. Том 2

Павел Корнев

Часть первая: Интервенция

Глава 1

Стреляли решительно везде. Частый перестук пулемётных очередей, раскатистые хлопки винтовок и гулкие отголоски взрывов доносились отовсюду, отражались от стен домов, множились эхом и создавали иллюзию городского боя.

Хотя – почему иллюзию?

Стреляли же! И ещё как!

А меня с Василем к нонкомбатантам никак не отнести. Мы с ним не гражданское население, мы – на одной из сторон! И как ни прискорбно было это признавать, на стороне обороняющейся, полностью утратившей инициативу и как бы даже не деморализованной.

Ни черта же не понятно, что происходит! Ни черта!

Пытаются захватить власть монархисты, коих сейчас в столице превеликое множество, вознамерился совершить переворот кто-то из генералов или пробует на прочность коалиционное правительство консервативная оппозиция? А то

и всё разом? Неспроста ведь самое активное участие в беспорядках принимают полицейские, республиканские авиаторы и непонятные типы в штатском, отмеченные белыми лентами!

Сразу вспомнились слова Городца о засилье в воздушном флоте выходцев из дворянского сословия, о реакционных же настроениях в полиции и сам был прекрасно осведомлён, ещё и невесть сколько монархистов в столицу съехалось. Плюс зарубежные разведячейки как у себя дома действуют!

А кто на стороне правительства? Республиканский комисариат, ВОХР и, судя по артиллерийской канонаде на севере, военный флот. Если и не полностью, то частично так уж точно. И это здорово, флот – это сила. И операторов там куда больше, нежели в армии, даже с учётом вновь созданных подразделений сверхэнергетической защиты. Может, и выгребем.

Хотя что значит – может? Выгребем непременно!

Покажем ещё всей этой контре где раки зимуют!

Кровью умоются! А придётся, так и в крови утопим!

Я судорожно стиснул кулаки и заставил себя успокоиться, после этого обратился к сверхсиле и принялся набирать потенциал. Выложился в недавней схватке на все сто, поэтому приятных ощущений этот процесс отнюдь не доставил, совсем даже наоборот. Всё же откровенно перенапрягся, пули роняя, ещё и ударной волной крепенько приложило.

С улицы донеслись крики и быстрые шаги, Василь достал пистолет и прикрыл его полрой пальто, выглянул наружу.

– Паника! – пояснил он, подавшись обратно. Потом спросил: – Как думаешь, почему именно к нам прицепились? Не всех ведь подряд останавливали! А узнай они меня в лицо – пальнули бы в спину, не стали документы спрашивать!

– Да ты же потенциал и не пытался скрывать, вот и определили в тебе оператора, – хмыкнул я, продолжая равномерно распределять сверхсилу по организму. – Сам же говорил, что нашего брата в столице не так уж и много, и в основном все на госслужбе!

Мой товарищ задумчиво кивнул.

– Ну да... Наверное.

Он замолчал, прислушиваясь к отзвукам не столь уж и далёкой перестрелки, и я предложил:

– Попробуй со своими связаться. Хоть узнаем, что и как. Василь нервно отмахнулся.

– А я не пытался? Чего думаешь, чуть отдохнуть не прилёг? Не из-за бега же! Едва мозги из ушей не полезли, и всё без толку! Сплошные помехи, до диспетчеров не достучался ни по основному, ни по резервному каналам. Похоже, специально глушат. Придётся самим выгребать.

Он вздохнул и потянул в себя сверхсилу – разошлись и тут же пропали сверхэнергетические помехи, остался лишь некий едва уловимый намёк на искажение фона.

– Так нормально? – спросил Василь. – Я на половине мощ-

ности чище работаю.

– Продолжай, – разрешил я.

Пусть у меня сейчас потенциал не в противофазе набран и чувствительность аховая, но и большинство операторов склонностью к ясновидению не отличаются, а от стандартных поисковых техник укрыться не так уж и сложно. Тем более в ситуации, когда энергетический фон и без того помехи рвут. Отнюдь не уверен, что и сам в подобных условиях полноценно энергетические аномалии улавливать смог бы. Если только на какой-то совсем уж незначительной дистанции. Впрочем, на расстоянии метров в пять я и сейчас кое на что способен.

По мере набора Василем внутреннего потенциала, я ощущал создаваемые им искажения всё отчётливей и отчётливей, даже начал ради чистоты эксперимента постепенно отходить от товарища в сторону. Когда удалился шагов на десять, то скомандовал:

– Хорош!

Василь возразил:

– Я только пять мегаджоулей набрал!

Сам я к этому моменту удерживал вдвое больший потенциал, но был уверен, что столь сильных возмущений не произвожу, поэтому спросил:

– Экранирование усилить сможешь?

– Попробую. – На лбу Василя залегла глубокая морщина, и он пожаловался: – Ненавижу эту мороку...

– Ты уж расстарайся.

Василь отмахнулся и через несколько минут напряжённого сопения сумел снизить интенсивность генерируемых искажений примерно на треть, при том что одновременно заметно нарастил потенциал.

– Отлично! – похвалил я товарища, когда тот шумно выдохнул и потряс головой. – Куда двинем? В комиссариат?

У Василя дёрнулась щека.

– Я – за Машкой!

Ну ещё бы! Ну конечно! Ну кто бы сомневался!

– Думаешь, она успела до дома дойти? – уточнил я.

– Точно успела. И дом у нас непростой, там много кто из комиссариата живёт. Думаю, получится последние новости узнать. – Василь глянул на меня. – А ты как? В гостиницу?

– Рехнулся? – Я от избытка чувств даже пальцем у виска покрутил. – В «Астории» от монархистов не протолкнуться!

Василь развёл руками.

– Ну и что тогда? Давай со мной?

– Само собой с тобой!

Лично мне до судьбы Машки Медник не было ровным счётом никакого дела, но Василь от своего намерения точно не отступится, а без него я разве что на какой-нибудь чердак мог забиться или в подвале схорониться, дабы попытаться там беспорядки переждать. Города не знаю, связей и знакомств нет, где искать Ивана Богомола и Альберта Павлови-

ча – ни малейшего представления не имею. В министерстве? Возможно. А как туда попасть? Пусть и был один раз, но до-рогу точно не найду. Нет, мне сейчас без Василя никак.

Да и смысл?

Послышались быстрые шаги, с улицы в подворотню заско-чил какой-то упитанный господин, навалился на стену, при-нялся хватать разинутым ртом воздух. Заметил нас и судорожно сглотнул.

– Что там? – спросил Василь у гражданина.

– Стреляют...

– Это понятно! – хмыкнул я, потёр озябшие уши и уточ-нил у Василя: – Ну что – двинули?

Тот кивнул.

– Пошли!

Ну в самом деле – даже если поначалу нас и пытались отыскать, преследователям давно уже стало не до парочки удравших операторов. Главное, самим на рожон не лезть, но вот с этим как раз могли возникнуть известного рода сложности. Не пройдем ведь мимо если что – непременно в драку ввяжемся.

Да и плевать!

Я придержал Василя и попутно чуть ослабил заземле-ние, но ничего толкового из этой затеи не вышло, поскольку с учётом то и дело перетряхивавших пространство по-мех, присутствие других операторов сейчас могла выявить разве что техника активного поиска. Но в этом случае я

и сам для всех светиться начну. Уж лучше прикинемся застигнутыми беспорядками горожанами, которые спешат домой. Глядишь, пронесёт...

На боковой улочке, куда мы выбрались из подворотни, повстречалась лишь перепуганная парочка, но Василь всё же предложил сделать небольшой крюк через проходной двор. Мне идея обойти стороной место недавней стычки показалась более чем обоснованной, так и решили поступить.

Не могу сказать, будто проспект, к которому мы вывернули минут через пять, изменился совсем уж до неузнаваемости и полностью обезлюдел, но и прежним он не остался совершенно точно. Посреди широченной проезжей части замер с открытыми дверьми трамвай, фонари на той стороне улицы не горели, тротуары опустели и редко-редко кто-то из набравшихся смелости горожан перебегал через открытое пространство; преимущественно все старались держаться домов и при первой же возможности скрывались на боковых улочках. И да – стрельба и не думала смолкать, перестук пулемётных очередей и раскатистые хлопки взрывов доносились сразу с нескольких направлений, а неподалёку от нас замер у обочины изрешечённый пулями автомобиль, тут и там валялись на дороге безжизненные тела.

– Гляди! – указал Василь на дальний перекрёсток, который перегородили двумя грузовиками сотрудники столичного полицейского управления.

– Рванём? – предложил я, поскольку разделяло нас никак

не меньше сотни метров.

Если вознамерятся остановить для проверки документов – успеем удрать и затеряться во дворах, а по случайным прохожим мятежники пока что огня не открывали. Что мятежники – это несомненно, белые нарукавные повязки говорили сами за себя. Да и чего бы им ещё баррикаду на проезжей части сооружать?

– Давай! – отозвался Василь и первым сорвался с места.

Я тоже метнулся через проспект, враз обошёл товарища и даже успел оторваться от него, замедлил бег только на боковой улочке. Огляделся – чисто.

– Дерьмо! – хрипло выдохнул нагнавший меня Василь и несколько раз подпрыгнул на одной ноге, но это не помогло, и дальше он двинулся с заметной хромотой. – Валим, Петья! Валим!

Мы поспешили прочь от проспекта и почти сразу наткнулись на тело в синей шинели. Вохровца застрелили в спину; кобура на ремне оказалась пуста, избавили её и от запасного магазина.

– Дерьмо! – вновь выругался Василь, на сей раз разочарованно. – У меня только шесть патронов осталось!

И пусть оператор сам себе оружие, да только без табельного пистолета моего товарища мы из недавней схватки могли бы победителями и не выйти. Точнее – и вовсе не ушли бы, победить и так не победили.

Впереди показалась компания молодых людей, но мы на-

пугали их даже сильнее, нежели они нас, три парня и две барышни спешно свернули во двор. Попалась ювелирная лавка с разбитой витриной, тут же у стены валялись два трупа. Судя по всему, парочка асоциальных элементов решила под шумок разжиться золотишком, но была отловлена кем-то из правоохранителей и по законам военного времени поставлена к стенке.

В соседнем квартале не горели ни фонари, ни окна домов, поэтому свет автомобильных фар мы углядели издалека. Яркие лучи выхватили из темноты метнувшуюся через дорогу фигуру, и Василь рывком втянул меня в подворотню. Уповать на то, что наш манёвр остался незамеченным, он не пожелал и побежал прочь, ещё и махнул рукой.

– Валим!

Мы нырнули в арку, попетляли по каким-то тёмным переходам и в глухом дворике-колодце наткнулись на очередные тела. Там вповалку лежали три вохровца и двое в штатском, на земле валялись стреляные гильзы двадцать второго калибра. Завели и вlepили по пуле в затылок, возможно даже ещё до начала основных событий, а мы как раз в это время по соседней улочке к «Пассажу» топали и ни о чём таком не подозревали. Меня холодком всего так и пробрало.

– Твари! – выругался Василь. – Я одного знаю. Из наших! Я ухватил его за руку и потянул прочь.

– Давай! Куда нам теперь?

Мы пробежали через очередную арку, и там Василь завер-

тел головой по сторонам.

– Туда!

Но именно что «туда» мы не пошли. В той стороне почём зря палили из пистолетов-пулемётов, а потом и вовсе рвануло с такой силой, что в рамках задребезжали стёкла, следом меня продрал ворох сверхэнергетических помех, а ещё заметно посветлело небо, как если бы занялся пожар.

Пришлось вновь петлять по дворам, но зато выбрались непосредственно к набережной канала, вдоль которого шли от Якорной площади. У комиссариата трещали пулемёты и гулко хлопали артиллерийские орудия, что-то посверкивало, и смотреть в ту сторону было откровенно неприятно, сразу начинало ломить глаза. Здесь же – тишина и спокойствие. Ну – почти.

– На мосту никого, – оповестил меня выглянувший за угол дома Василь. – Сейчас отдышусь и рванём.

– Не странно это? – засомневался я. – Мосты сам бог велел перекрыть, раз уж на дорогах баррикады строят.

– Он же пешеходный! Канал замёрз, его где угодно перейти можно.

В этот момент на противоположную набережную из переулка выскочило несколько человек штатской наружности, они рванули через мост, пробежали мимо и юркнули в подворотню. Никто их не обстрелял, никто не постарался остановить.

– Пошли!

Я приготовился выплеснуть сверхсилу, но в защитном положении не возникло нужды – пригибаясь и укрываясь за ограждением, мы беспрепятственно проскочили через мост, а там шмыгнули в переулок. Сначала я, следом Василь. Он чем дальше, тем сильнее хромот, но на предложение перевести дух ответил решительным отказом.

– Время поджигает! Надо спешить!

Ну и побежали дальше. В соседнем квартале прицепился подвыпивший мужичок, возжелавший узнать, какая чертовщина творится в городе, едва отвязались от него, не прибегая к мордобою. Несколько раз во дворах попадались перепуганные дворники и обсуждавшие стрельбу местные жители, дальше рядом с каким-то институтом мы наткнулись на компанию студентов, которая диспутировала на тему, куда идти и где раздобыть оружие. Судя по значкам, это были активисты Февральского союза молодёжи.

Их бы организовать, да нет времени. Бежим дальше.

В одной из подворотен наткнулись на двух покойников с белыми нарукавными повязками, всё кругом было усыпано пистолетными гильзами, прочь тянулся кровавый след. Специально бы проверять не стали, но нам и так было в ту сторону, вот и наткнулись вскорости на флотского офицера с разряженным револьвером в руке. Мёртвого, разумеется. Дыр в нём наделали – будь здоров.

– А ведь они специально за ним пришли! – решил Василь и пояснил мне: – Ну те – с повязками! Монархисты не просто

переворот устроили, они всех неугодных к стенке под шумок решили поставить!

– Другого от них ждал?

– Петя, ты не понимаешь! В нашем доме много кто из коммиссариата живёт! Туда тоже нагрянуть могут!

– Разорвутся они, что ли? – раздражённо бросил я в ответ и потряс занемевшей кистью, развеивая заготовку для плазменного выброса, которую удерживал всё это время в активном состоянии. – Ты представляешь, сколько людей для полной зачистки города задействовать пришлось бы? Им бы ключевые позиции занять и удержать! Телеграф, радио, мосты!

Этим своим заявлением я товарища несколько не успокоил, и он, сильно припадая на левую ногу, поспешил дальше. Над домами на бреющем полёте пронёсся самолёт, и я предложил:

– Может, крышами пойдём?

– Не, – мотнул головой Василь. – Там сразу стрелять начнут, а внизу без разбора по всем подряд палить точно не станут.

Я кивнул в знак согласия и тут же замедлил шаг.

– Чуешь? Горелым пахнет!

Василь шумно втянул в себя воздух и сплюнул под ноги.

– Не нравится мне это!

Но нравится – не нравится, а деваться было некуда, двинулись дальше. Несильный поначалу запах горелой резины

вскоре заметно окреп, к нему начало примешиваться нечто ещё даже более мерзкое. Как оказалось, это чадил раскуроченный броневик и догорал грузовик-полупортка. Там же на снегу валялись обугленные до неузнаваемости тела.

Я прикрыл нос шарфом и потянул Василя прочь.

– Оператор врасплох застал, – предположил тот, когда мы повернули за угол.

– Не иначе, – согласился я. – Долго нам ещё?

– Почти на месте. Последний рывок остался!

И точно – мы уже вышли к тихой улочке, на которой располагалось приглянувшееся моему товарищу кафе. По идее, отсюда было рукой подать до Якорной площади, но перестрелка в той стороне и не думала стихать, а пробиваться в комиссариат с боем мне откровенно расхотелось.

– Перебегаем через дорогу и сразу во дворы! – шепнул Василь. – Тут напрямик пройти можно! Баню обогнём и на месте!

– Погоди!

Я чуть выдвинулся вперёд и оглядел не столь уж широкую улочку, ныне тёмную и пустую. Фонари не горели, а витрины чернели мёртвым стеклом, но до моста была от силы сотня метров, а там проглядывали силуэты грузовиков и помаргивали огоньки папирос. По идее не должны обстрелять, да и бежать всего ничего – не успеют прицелиться, но если в эту сторону повёрнут пулемёт...

Додумать мысль помешал рванувший через дорогу Ва-

силь. Я ругнулся и бросился следом. Показалось даже, что проскочим без приключений, но только выбежали на середину улицы, как захлопали винтовки!

Проклятье! Будто ждали!

Но не ждали, просто у кого-то сдали нервы, вот и принялись палить в белый свет как в копеечку – даже свиста пуль не расслышал. А врезали бы из пулемёта и – абзац котёнку...

Заскочив в подворотню, я навалился на стену, задышал неглубоко и часто, попытался перебороть дурноту. Проняло не на шутку, сердце заколотилось как-то совсем уж неровно. И вроде – ерунда, обошлось, но это только на первый взгляд ерунда.

Могли ведь и влипнуть. Запросто могли!

Нас тут просто не ждали. А ну как на кого-то более хваткого и меткого нарвёмся?

– Петь, идём!

Я поднял руку, призывая Василя остановиться, сделал несколько глубоких вдохов и усилил контроль над внутренним потенциалом, заодно восстановил схему плазменного выброса.

Шутки кончились. Теперь всё очень-очень всерьёз.

Расслабляться нельзя!

Узенькими проходами мы обошли кирпичное здание бани, проскочили один двор и без остановок миновали другой, а вот в переулок выбегать уже не стали и для начала огляде-

лись. Но – нет, там – никого.

– Куда теперь? – спросил я.

Василь указал на соседний дом.

– Уже пришли.

– Вход со стороны набережной? – припомнил я.

– Можно с задов зайти.

Я придержал товарища за руку.

– Не суетись! – После этого попытался обратиться к яснovidению, но энергетический фон продолжал пребывать в полнейшем беспорядке, да и у меня в голове до сих пор гудело после выхваченной порции помех, ни черта не почувствовал. – Нет, полная неопределённость!

Василь вытянул из кармана пальто пистолет, покрутил его в руке и после недолгих колебаний сунул обратно. Мы ещё раз оглядели пустой переулок и перебежали через него, юркнули в арку дома напротив. Василь первым сунулся во двор и объявил:

– Чисто!

Но только двинулись к парадной, как из дальнего прохода вынырнули три тёмных фигуры. Встреча оказалась неожиданной, что для них, что для нас, но самое главное я разглядел сразу: никаких белых лент! И шинели не бурые армейские или серые полицейские, а синие. ВОХР!

Свои!

Я самую малость расслабился и всё же окончательно бдительности не утратил, потому и не промешкал ни едино-

го мгновения, когда нервы вдруг острой бритвой резануло узнавание: да это же Барчук, Антон и Михей!

Последний оказался расторопней всех. Василь ещё только дёрнул из кармана пистолет, а вскинутая рука Михея уже окуталась алым свечением и в моей голове разом проявилось жёлтое пятно энергетической аномалии.

Этот гад решил нас поджарить!

– Стой! – завопил Маленский, но куда там!

Я успел прикрыться линзой уплотнённого ионизированного воздуха, вот и не полыхнул зажжённой спичкой – плазменный выплеск угодил в незримую преграду и расплескался на расстоянии вытянутой руки. В лицо повеяло нестерпимым жаром, снег начал таять, от брусчатки повалил пар. Василь дважды выстрелил из ТТ и сотворил кинетический экран, миг спустя такой же возник и на другой стороне. Антон метнулся куда-то в сторону, Барчук открыл ответный огонь из револьвера и попятился к выходу со двора.

С радостью приложил бы его чем-нибудь убойным, да было уже не до того: своим первым быстрым выплеском Михей лишь разметал мою воздушную линзу, после чего ударил уже в полную силу, попытался не просто поджарить нас до хрустящей корочки, а обратить в прах. На нейтрализацию потока теплового излучения я разом ухнул без малого десятков мегаджоулей, о постановке же дополнительных барьеров и речи даже не шло.

Тут бы просто успевать чужое воздействие гасить!

Быстрее! Быстрее! Быстрее!

Но попутно я всё же исхитрился отследить источники освещения, вот и толкнул Василя в сторону. Сам прыгнул следом, а за миг до того искажил лучи света таким образом, что для Михея мы остались на прежней позиции. Секунд на пять от силы, но – остались!

С кем поопытней такой номер бы не прошёл, а вот наш бывший сокурсник состряпанной на скорую руку оптической иллюзии не распознал и продолжил шагать вперёд с перекошенным от бешенства лицом, всё активней и активней пережигая потенциал в тепловое излучение и гоня перед собой настоящую волну жара. Та беспрепятственно ворвалась в арку, разом растопила весь снег, испарила воду и сначала высушила камни, а после и раскалила их едва ли не докрасна. Наружу выбросило клубы перегретого пара, меня зацепило лишь самым краем, но и так потратил на охлаждение остатки сверхсилы, пришлось даже прикрыть лицо руками, если б не перчатки – обварился.

И сразу – грохнуло! Со звоном разлетелись осколками оконные стёкла, качнула и едва не сбила с ног ударная волна!

Маленский попытался разметать нас на куски перепадом давления, но Василь не сплеховал и отразил выплеск, попутно расстрелял остатки магазина и ударил электрическим разрядом. Барчук отступил за угол, а ослепительный росчерк вильнул к громоотводу, и тот сыпанул искрами, на миг всех ослепив. Я воспользовался ситуацией и метнул в Михея ша-

ровую молнию.

Получай, гад!

Бывший сокурсник отреагировал как по писанному, разметав не столь уж и мощный заряд энергетической турбулентностью, но вот управляющую нить из виду упустил, за что и поплатился. Я преобразовал силовой жгут в нематериальную пику и без затей ткнул ею Михея в грудь. Намеревался прошить его насквозь, но оперировал исключительно своим входящим потоком, а сопротивление привычного к энергетическому излучению организма оказалось необычайно высоким, силовой клинок будто в незримую броню угодил – распорол шинель и соскользнул в сторону.

Зараза!

Михей перехватил моё незримое оружие обеими руками и дёрнул на себя, я не стал играть в перетягивания каната и перебросил по силовой нити дополнительный заряд.

Лови!

Мигнула электрическая дуга, запахло горелой шерстью, Михея тряхнуло и откинуло на шаг назад. Удерживай я потенциал в противофазе, пробой запросто мог привести к летальному исходу, а так бывший сокурсник даже на ногах устоял, лишь упустил энергетический жгут.

Я не преминул воспользоваться этой оплошностью, захлестнул торс Михея силовой петлёй и попытался рассечь противника надвое, но тот энергетическим выплеском разметал мою конструкцию, а ещё рванул из кобуры револьвер

и что удалось ощутить со всей отчётливостью – вошёл в резонанс!

Сволочь!

Я хоть и тянул сверхсилу на пределе мощности, накопить заряд для атакующего воздействия, способного пробить естественную сопротивляемость оператора восьмого витка, никак не успевал, поэтому кинетическим импульсом кинул себя вперёд. И сразу поменял направление движения, уходя с линии стрельбы!

Револьвер плюнул огнём, пуля прошла мимо, и я вновь рванул на сближение. На пути возникла плоскость давления, но легко разметал её и уже следующим рывком дотянулся до Михея – левой пробил ему в челюсть, правой ткнул кулаком чуть ниже солнечного сплетения.

Раз, два!

Увы, первый удар лишь слегка зацепил скулу, зато вторым я с помощью техники открытой руки вколотил в потроха соперника разом пару десятков килоджоулей. Этот выпад пришёлся точно в энергетический узел, и хоть Михей полностью заблокировал физический урон, его вышибло из резонанса, а очередной мой хук и вовсе разметал весь набранный соперником потенциал.

Тут-то мне и прилетело барабаном револьвера в висок! Удар наотмашь оказался достаточно силен, чтобы ошеломить, и я лишь в самый последний момент успел предупредить выстрел, ухватив и отвернув от себя ствол. Оружие по-

летело в снег, а Михей вцепился в меня и поставил подножку, заставил покачнуться и провёл бросок через бедро. Точнее – провести его попытался. Мы оба потеряли равновесие, и в падении я ткнул бывшего сокурсника незримым клинком давления, как дырявил на тренировках железные листы, но тот оказался много прочней – нематериальный штык пробил шинель и вспорол кожу, но силы удара не хватило, чтобы нанести проникающую рану.

Дарованная инициацией сопротивляемость вкупе с отменным владением защитными техниками позволила Михею отделаться не столь уж и глубоким порезом, а повторить тычок помешала резко возросшая сила тяжести. Мы рухнули на землю, я оказался снизу, под весом чужого тела хрустнули рёбра. Михей замахнулся, а стоило только перехватить его кулак раскрытой ладонью – будто пушечное ядро поймал! – он одним уверенным усилием передал мой входящий канал.

Такой уж серьёзной проблемой это не стало: пусть мощно-стью соперник меня и превосходил, базовая техника блокировки основывалась на типовом строении внутренней энергетики, а я под стандарт не подпадал, это и помогло сбросить захват.

Я приложил Михея своей неправильной гармонией, но тот оказался крепким орешком и погасил деструктивные колебания, вновь начал отрезать меня от сверхсилы, а дополнительно охватил шею кольцом давления, желая то ли раздро-

бить гортань и удавить, то ли попросту обезглавить.

Каким-то запредельным усилием я заблокировал это воздействие, и тогда бывший сослуживец задействовал телекинез. Валявшийся в шаге от нас револьвер будто бы сам собой прыгнул в его раскрытую ладонь, и я вцепился в запястье Михея, не позволяя тому взять себя на прицел. Отвлёкся и упустил нематериальную удавку – шею сдавило, а в глазах потемнело, но сознания я всё же не потерял и отпустил оседлавшего меня противника совершенно осознанно.

Ствол револьвера устоялся в лицо, курок до упора отошёл назад и сорвался, шибанул бойком о капсюль.

Клац! И – больше ничего!

Я предотвратил выстрел, потратив крохи удерживаемой сверхсилы на гашение искры, тем самым выгадал время и успел сунуть руку в карман, рванул оттуда выкидной стилет. С металлическим щелчком разложился длинный клинок, резкий укол пришёлся Михею в бок, остриё чуть вильнуло, задев ребро, и засело до упора!

Изо рта противника плеснуло кровью, но он всерьёз вознамерился утащить меня за собой на тот свет и бросил остатки потенциала на усиление и без того уже врезавшейся в кожу удавки. Прямо над ухом оглушительно грохнуло, дульная вспышка ослепила левый глаз, а Михей будто молотком по лбу получил! Голова его мотнулась, он обмяк и завалился на спину, из пулевого отверстия меж бровей потекла алая струйка.

Готов! Теперь уже точно!

– Замер! Замер, кому сказано! – заорал Василь, ясное дело – не мне. – Мордой в снег, руки за голову! Завалю, сука!

Короткая схватка выпила все силы, но я не замешкался, не дал себе послабления. Выдрал из сведённых судорогой пальцев Михея револьвер, вскочил и сразу опустился на одно колено, оказавшись не в силах справиться с головокружением. Впрочем, и так разглядел, что Маленского уже и след простыл, а Василь заломил уложенному лицом в снег Антону руки и стягивает запястья кожаным ремнём, будто в этом имелся хоть какой-то смысл.

Наш бывший сослуживец вырываться не пытался, только орал:

– Да мы ничего такого не хотели! Федя сказал, что Машку надо забирать, вот мы и пришли! А тут вы! Это всё Михей! Он совсем сбрендил!

Насколько мне помнилось, Антон активного участия в сшибке не принимал, но останавливать я Василя не стал. Не до того было. Боролся с тошнотой.

– Потянешься к сверхсиле, башку прострелю! – пригрозил мой товарищ. – И никто слова дурного за это не скажет! Ты ж дезертир!

– Нам Федя приказал!

– Заткнись!

Я вытянул из бездыханного тела Михея стилет и очистил клинок о снег, после сложил нож и убрал в карман, заодно

избавил покойника от запасных патронов и взялся перезаряжать револьвер, после окликнул товарища:

– Василь! Барчук где?

– Ушёл, сволочь!

– Уверен? – уточнил я с нескрываемым недоверием.

Пусть даже Антон в драку и не полез, но у нас с Василем и при столкновении двое на двое шансов было откровенно немного. Уж не знаю, кто и по какой программе натаскивал Михея, но за тот год, что мы с ним не виделись, он превратился в крайне опасного бойца. И хоть его стартовая позиция изначально существенно превосходила мою, я ощутил явственный привкус разочарования. Ну или горечь желчи из-за отбитой печени. Одно другого не лучше.

– Я Барчука первым выстрелом зацепил! – пояснил Василь, заставляя подняться на ноги Антона. На нём и сорвал злость. – Да заткнись ты! Не до тебя сейчас! Потом разберёмся! Петя, идём!

От арки так и продолжало веять жаром, штукатурку одной из стен расчертила длинная трещина, а окна первых трёх этажей зияли выбитыми стёклами, но при этом в них не маячили лица встревоженных жильцов. Ни лиц, ни света. Дом словно вымер.

Только я так подумал, и распахнулась дверь парадной.

– Василь? Это ты?!

Я чуть не матернулся от избытка чувств и опустил револьвер, а Василь толчком отправил ко мне нашего бывшего со-

служивца, сам же побежал к Машке, выскочившей во двор с туго набитой каким-то барахлом хозяйственной сумкой. Антон начал было качать права, но я оказался не в настроении спорить и пихнул его кулаком под рёбра, после чего отработанным усилием заблокировал сверхспособности и упёр в бок дуло револьвера, на случай если бывший сослуживец вдруг решит потрепыхаться и освободить входящий канал.

– Не дёргайся!

– Петя, ну ты что? Я же вообще ничего не сделал!

– Тем более не дёргайся!

В голове так и звенело, сплюнул на снег кровью. И разумеется, пропустил мимо ушей воркование Василя и Маши, расслышал только последний вопрос:

– Куда ты ему попал?

«Ему» – это Барчуку. Вот не плевать ли?

Проявленный подругой интерес Василю по душе не пришёлся, он пожал плечами и буркнул:

– Сама же видишь – ушёл! Так драпал, что я за ним не угнался!

Но вот тут мой товарищ определённо приврал – в этом случае он бы попросту не успел прийти мне на помощь и добить Михея. Ни за кем он не гнался, хватило ума адекватно ситуацию оценить.

– Петя, уходим! – крикнул Василь. – И контролируй этого! Начнёт дурить – стреляй!

– Да... – начал было Антон, но я его и слушать не стал.

– Заткнись! Шагай!

Василь и Машка поспешили к дальнему выходу со двора, мы поплелись следом, но только вышли в переулок, как по глазам резанули лучи фар завернувшего с улицы грузовика.

– Назад! – рывкнул Василь. – Уходим! Живо!

Машку дважды просить не пришлось, а вот Антон заупрямился.

– Шевелись, сволочь! – хрипло выдохнул я. – Тебя ж монархисты первым грохнут! Ты ж вохровец! Или наши как дезертира шлёпнут!

Тут-то Антона и проняло. Если до того он едва переставлял ноги, то после моих слов заметно ускорился, пусть с заломленными за спину руками не слишком-то и разгонишься. Сообразил, паршивец, что всё ещё хуже нынешнего обернуться может. Ему сейчас куда ни кинь, всюду клин. Одна надежда – с нами договориться.

– Освободи! – попросил Антон, когда мы проскочили арку.

Я потянул его за руку, заставляя прибавить шаг, но и так едва не упустил из виду Василя с Машкой, которые уже нырнули в соседнюю подворотню. Впрочем, Василь сразу выглянул обратно и махнул рукой.

– Сюда!

Мы проскочили очередной двор-колодец, затаились в слеющем.

– Тише! – потребовала Маша. – Слушайте!

А что слушать-то? Кругом стреляют! Но погони вроде нет. Если за нами кто-то поначалу и увязался, определённо удалось оторваться.

– Надо в комиссариат пробиваться! – объявил Василь, набирая потенциал.

Тянул он сверхсилу на редкость неряшливо, генерируя множество помех, – не иначе перенапрягся, пытаясь достать Барчука. Впрочем, мне приходилось и того хуже. Нет, не надорвался, просто продолжал блокировать способности Антона, поэтому цедил энергию едва ли не по сверхджоулю. Такими темпами до утра потенциал набирать буду и не факт, что наберу, но сосредоточиваться исключительно на входящем потоке никак нельзя – просто непонятно, чего от подопечного ждать.

– Да отцепитесь вы от меня! – вновь заканючил тот. – Я ничего не сделал!

– Ты заткнись лучше! – потребовал Василь. – Пристрелю! Но Антон и не подумал уgomониться.

– Не имеешь права! – оскалился он. – За беззаконие самого к стенке поставят!

– А кто узнает?

– Шила в мешке не утаишь!

Василь ухмыльнулся.

– Ладно! Ладно! Сейчас организуем особую тройку и по закону о чрезвычайном положении рассмотрим вопрос о дезертирстве и нападении на представителя правоохранитель-

ных органов! Комар носу не подточит!

– Я ничего не сделал! – быстро произнёс Антон. – И не де-
зертировал! Мне Маленский приказал, мой непосредствен-
ный командир! И он тоже ничего плохого не хотел, сказал,
надо Машку вытаскивать! Как лучше хотел!

Меня аж зло разобрало.

– Как лучше, да? Ты мне это говорить будешь?

– Это Михей всё! Он тебе Карину не простил, вот и слетел
с катушек!

Я толкнул его плечом в стену.

– А я какое отношение к её смерти имею?

– Да просто вбил себе в голову, что ты на лесопилке её
одну бросил!

– Вбил? Или это Барчук ему на мозги капал?

Тут уже не выдержала Маша Медник.

– Нам действительно нужно обсуждать это прямо сей-
час? – возмутилась она. – Мальчики, нам к своим пробивать-
ся надо! Мы время теряем!

Василь кивнул в знак согласия.

– Да, пора идти!

– Куда идти?! – возмутился я, взбешённый словами Ан-
тона сверх всякой меры. – На Якорку? Комиссариат точно
со всех сторон обложили! Как мы в здание проберёмся?

– Об косяк! – теперь уже вспылил и Василь, но мигом взял
себя в руки и обратился к подруге: – Маш, ты с дежурным
связаться не можешь?

Барышня покачала головой.

– Нет, всё помехами забито.

– Досадно. Придётся ближе подбираться... – Василь посмотрел на меня и развёл руками. – А какие ещё варианты, Петь? Есть у тебя предложения?

– Проехали, – поморщился я. – В комиссариат, так в комиссариат. Веди!

Мы двинулись какими-то глухими переулками, тёмными дворами и узкими проездами. Когда перебрались в соседний квартал, грохот перестрелки заметно усилился – где-то не так уж и далеко отсюда стучали пулемёты, хлопали винтовки, рвались гранаты и редко, но мощно били артиллерийские орудия. Немудрено, что Антону идти в комиссариат как-то сразу расхотелось.

– Отпустите вы меня! – попросил он. – Ну чего привязались в самом деле? Маш, хоть ты им скажи! Это же неправильно!

– Иди давай! – толкнул я его из подворотни на не столь уж широкую дорогу, скорее даже просто проезд между соседними домами. – Шагай!

Маша Медник обернулась и раздражённо потребовала:

– Да отпусти ты его уже! Пусть проваливает!

Василь ничуть не менее раздражённо буркнул:

– Вот ещё!

Я потянул Антона за руку, тот заупрямился, чем окончательно взбесил. Миндальничать я не стал и поднял револь-

вер.

– Ну, как знаешь! – угрожающе произнёс, радуясь про себя тому обстоятельству, что не удалось закрутить роман с Маринкой.

Точно ведь не сумел бы в противном случае сохранить беспристрастность! И непонятно даже, потянул бы палец спусковой крючок сам собой – без веской на то причины или же помешала бы выстрелить в нужный момент мысль о собственной предвзятости. Ни то, ни другое никуда не годилось, мне и сейчас непросто было эмоции в узде держать.

Наставленный револьвер заставил Антона одуматься, но особо шустрей шевелить ногами он не стал, пришлось вновь дёрнуть его.

– Живее!

Василь вдруг остановился и вскинул руку.

– Тише!

Только – поздно! Вспыхнул, ослепил глаза прожектор, следом знакомо рыкнул мощный движок, из переулка выкатилась тёмная громада броневика, его башенка слегка довернулась и прямо на нас уставился спаренный пулемёт.

Я укрылся за Антоном, прекрасно отдавая себе отчёт, что заскочить в подворотню попросту не успею. И на сверхспособности уповать тоже не стоит – потенциал практически на нуле, даже себя прикрыть не смогу, о других и говорить нечего!

– Двойной экран! – коротко бросил Василь подруге,

но сотворить защитную конструкцию они не успели. Просто не пришлось.

– Чего встали?! Бегом сюда! – крикнули нам от броневика.

Погас слепивший глаза прожектор, стала видна нарисованная на борту грузовика белая полоса, и я судорожно сглотнул. Монархисты!

Броневик, грузовик с прожектором на треноге в кузове, человек шесть в штатском – все, как водится, с белыми нарукавными повязками.

Это мы удачно на них налетели. Это нам здорово повезло. Как утопленникам примерно, ага...

Антон попятился, попытался скинуть мой блок, и я шепнул ему на ухо:

– Пасть разинешь – сам тебя положу! – А после уже во всю глотку гаркнул: – Шагай, падаль!

Ну да – раз уж нас приняли за своих, грех этим обстоятельством не воспользоваться.

Василь и Машка замешкались, но не из страха или нерешительности, просто решили пропустить меня вперёд, ведь пленный вохровец – это наглядное доказательство нашей принадлежности к стану мятежников, пусть полюбуются. Нам бы только к броневику вплотную подобраться...

Монархистов, как я сразу и приметил, было шестеро. Четверо расположились в грузовике: в кабине сидел шофёр, в кузове помимо мужика при прожекторе засели два стрелка с трёхлинейками. А вот парочка стоявших наособицу моло-

дых людей оказалась операторами – у меня аж в носу засвербело, до того серьёзным потенциалом обладал один из них. Второй – нет, второй – не боевик. Виток второй или третий, этот худощавый молодчик глянул на нас, будто икс-лучами насквозь просветил. Но именно лишь на нас, Антона своим вниманием он не удостоил.

– Вы от кого? – потребовал объяснений оператор.

«И ещё экипаж броневика», – подумал я, прежде чем бодро отрапортовать:

– Императорское общество изучения сверхэнергии! Пленного в «Асторию» ведём!

Ну а почему нет? Машка Медник в своей шубке – та ещё фифа, у Василя пальто хоть и прожжено в нескольких местах, но дорогое и модное, сам я тоже отнюдь не в обноски наряжен. Точнее – теперь уже в обноски, но всё равно видно, что одежда не из дешёвых.

– В «Асторию»? – пробасил крепыш-боевик, воздух вблизи которого едва ли не трещал от электрических разрядов, и указал совсем не туда, куда мы направлялись. – Она там!

– Как там? – захлопала глазами Машка и капризно протянула: – Ва-а-а-аси-илий! Ты же говорил, что знаешь дорогу!

Василь спрятал трофейный револьвер в карман и смущённо промямлил:

– Ну, лапочка... Мы же только второй день в столице! Заплутал-с...

Вот это характерное окончание он добавил совершенно напрасно, откровенно переиграл, но вроде бы обошлось. Броневик сдал обратно в переулочек, худощавый оператор велел нам убираться с проезжей части, после чего вновь насел с расспросами:

– Почему без опознавательных знаков? Повязки ваши где?

– Мы в городе были, когда всё началось, – соврал я, подумал-подумал и добавил: – Не ожидали ничего такого...

– А этот откуда?

– Схлестнулись с патрулём. Одного уложили, один ушёл. И вот – языка взяли.

Оператор закатил глаза.

– Дилетанты!

Его мощный коллега указал на тёмный проход.

– Туда его веди! – Ещё и спросил: – Сам исполнишь или кишка тонка?

Я сунул револьвер в карман, но Антона, которого начала бить крупная дрожь, не отпустил, наоборот – ещё сильнее стиснул пальцами его предплечье, правда, при этом перестал блокировать входящий канал бывшего сокурсника и полностью сосредоточился на ускоренном наборе собственного потенциала. Попутно изобразил неуверенность и уточнил:

– А что – пленные не нужны разве?

Боевик презрительно фыркнул и распорядился:

– Крот, разберись!

Один из мужиков с трёхлинейкой выпрыгнул из кузова, и я отпустил Антона, легонько подтолкнул его ладонью в спину.

– Иди давай!

Наш бывший сослуживец на подгибающихся ногах двинулся к тёмному зеву подворотни, следом зашагал боец с винтовкой – судя по характерному хвату, тратить на пленного патроны он не собирался и приготовился всадить тому под лопатку игольчатый штык. Кряжистый боевик вознамерился подстраховать его и проследить за казнью, вот и отвлёкся от меня, повернулся спиной.

Напрасно.

– Кто ваш профессор? – спросил у Василя с Машей художавый оператор и тут же крикнул: – Эй, чего там ещё?!

А это перепуганный до полусмерти Антон потянул в себя сверхсилу и ожидаемо переборщил с мощностью, чем породил весьма интенсивное энергетическое возмущение. Кряжистый оператор уловил его на секунду позже напарника и сделать уже ничего не успел, я вмиг очутился за его спиной и вколотил под рёбра левый кулак. Метил в центральный силовой узел, ещё и сопровождал удар резким воздействием, но, памятуя о фиаско с Михеем, исключительно на спазм энергетических каналов уповать не стал, и добавил правой чуть ниже мощного загривка жертвы. Ускорил движение сверхсилой и задействовал технику закрытой руки, костяшкишиба-нули почище кузнечного молота, враз перебив позвонки.

И правильно сделал, что перестраховался: боевик оказался живуч до чрезвычайности – уже будучи смертельно раненым, он успел вскинуть руку и обратиться к сверхсиле. Мог бы и прихлопнуть Антона, а так упустил контроль над потенциалом, его кисть вскипела и разлетелась кровавым облачком, поток неструктурированной энергии вырвался вовне и шибанул в стену дома. Кладка вогнулась стенкой мыльного пузыря, а потом лопнула кирпичным крошевом и снесла внутренние перегородки. Здание едва ли не подпрыгнуло!

Выплеснулись наружу водопадом осколков стёкла, а следом позади меня что-то сверкнуло и оглушительно хлопнуло, мимо промелькнул ослепительный росчерк шаровой молнии. Сгусток плазмы угодил в спину монархиста с винтовкой и прошил его насквозь, оставив обугленную дыру, в которую запросто мог пройти средних размеров кулак.

Мужика сбило с ног, а я ухватил обеими руками голову упавшего на колени боевика, поднатужился и свернул её, лишь после этого обернулся и окинул взглядом разразившееся побоище. Второй оператор валялся на земле, кабина грузовика лишилась остекления и была забрызгана изнутри кровью, а парочка монархистов невесть куда пропала из кузова, там что-то дымило.

И – броневик!

Я на миг опередил Василя, первым подскочил к бронированному автомобилю и обеими ладонями хлопнул по его

борту, сжёг разом весь накопленный потенциал.

Жахнуло!

Перепад давления заставил распахнуться дверцу, Василь сунулся внутрь и вытянул наружу оглушённого водителя в шинели с нашивками столичного полицейского управления, я же выдернул из кармана револьвер и нацелил его на попятившегося было в темноту Антона, который уже избавился от стягивавшего запястья ремня.

– Ну-ка замер!

– Отвалите, черти!

– Дурак! – ругнулся на него Василь, вытаскивая из броне-вика теперь уже наводчика пулемёта. – Да ты без нас и пяти минут не проживёшь! Тут кругом монархисты!

Антон оскалился.

– Так хоть какие-то шансы будут! А с вами – без вариантов! Сами к стенке и поставите!

Наш бывший сослуживец к этому моменту уже успел набрать потенциал, и я большим пальцем взвёл тугой курок.

– Да пусть проваливает! – взвизгнула Маша. – Надо уходить!

Антон сделал ещё один небольшой шагок назад и вдруг споткнулся обо что-то, едва не упав. Он оглянулся и вновь попятился, на этот раз уже к нам.

– Там... там...

Мы с Василем вмиг оказались рядом, и неровное сияние шаровой молнии осветило глухой закуток, в котором обна-

ружилось полтора десятка покойников – кто в синих шинелях ВОХР, кто просто в штатском.

– Те двое с нашего дома, – присмотревшись, решил Василь. – Один из канцелярии, другой в иностранном департаменте служил.

Я выругался, снял револьвер с боевого взвода и сунул его в карман пальто.

– Их сюда со всей округи сводили! Надо рвать когти, пока ещё кого-нибудь не принесло!

– Мальчики! – жалобно позвала нас Маша Медник. – Ну вы там чего?!

Василь уставился на побледневшего как полотно Антона и ткнул его пальцем в грудь.

– Хочешь – вали на все четыре стороны! Только сам видишь, что в городе творится. Сейчас вместе держаться надо!

– А...

– Да забудь уже про трибунал! – отмахнулся я. – Сдался ты нам сто лет! Скажем, случайно встретились! Так, Василь?

– Так! – кивнул тот. – А дальше выкручивайся как хочешь. Со своим начальством сам разбирайся.

– Обещаете?

– Тебе зуб дать, что ли? Окстись! Мы могли тебя грохнуть и в доверие к монархистам втереться, не забыл? Всё, теперь в одной лодке!

– Мальчики! – окликнула нас Машка. – Поскорее!

И мы с Василем не стали тянуть резину, вернулись к ней.

Я первым делом забрался в кузов грузовика, но оба мятежника там оказались мертвы, добивать их не пришлось. Антон немного поколебался и всё же решил к нам присоединиться.

– Револьвер верни! – разве что потребовал он у Василя.

– Помогай! – прозвучало в ответ.

Они на пару начали вязать по рукам и ногам водителя броневика и пулемётчика, тогда я спрыгнул на землю и возмутился:

– Василь, ты чего ещё удумал?! Как мы их с собой потащим?

Тот ухмыльнулся.

– А мы не потащим! – И он указал на броневик. – Мы повезём!

Глава 2

Ехать лучше, чем идти. Это научный факт, как сказал бы Карл, вот только ехать куда? И как далеко мы уедем на броневике с опознавательными знаками мятежников? Как скоро нарвёмся на своих и чем тогда по нам жахнут?

Впрочем, риск нарваться на монархистов был ничуть не меньше, а броня – это броня, да и спаренный «Хайрем» станет весомым аргументом в перестрелке, если только нас не угораздит наткнуться на танк.

– И куда теперь? – спросил я.

Василь только отмахнулся.

– Всё потом! – Он ухватил водителя под руки и скомандовал: – Давайте!

Броневик был не столь уж и велик – разместиться в нём с маломальским комфортом вшестером не было ровным счётом никакой возможности, и без того пришлось укладывать пленных на пол.

– Быстрее! – поторопила нас Маша Медник, испуганно озирая пустую улицу. – Василь! Мы теряем время!

Тот досадливо поморщился и спросил:

– Кто за руль, кто на пулемёт?

Не сговариваясь, мы уставились на Антона, но наш бывший сослуживец только руками развёл.

– Не обучен! – объявил он и первым нырнул в нутро бро-

невика.

Василь зло глянул ему вслед и шепнул Машке:

– Присмотри за ним!

– Да пусть проваливает! – прошипела та в ответ. – На кой ляд он нам сдался?

– Четыре оператора лучше, чем три! – отрезал Василь и втолкнул подругу в броневик, потом забрался следом и сам, объявив: – Петь, я на пулемёт, ты всяко лучше меня водишь.

Я влез на водительское сидение, захлопнул за собой дверцу и вполголоса ругнулся. Бронированный щиток был поднят, но даже так обзор оставлял желать лучшего, а через смотровую щель и вовсе не будет видно примерно ни черта. Ладно хоть ещё с относительным комфортом разместился, тесниться и пихаться с другими не пришлось.

– Если попадём под обстрел, ставьте кинетический экран, – распорядился Василь, устраиваясь за пулемётом. – Маш, на тебе левый борт. Антон, на тебе правый. Я держу центр. За высокой плотностью не гонитесь, сейчас важнее площадь. Нас ещё и броня прикроет. А, не дай бог, начнут лупить из крупного калибра, я вторым слоем подключусь. Петя, поехали!

Движок размеренно тарахтел на холостом ходу, но я вовремя трогаться с места и уточнил:

– Кто в резонанс войти сможет?

Мы с Василем ещё не восстановились после тренировки,

зато порадовали наши спутники: погрузиться в транс оказались способны и Антон, и Маша. Уже легче!

– Василь, командуй! – попросил я, слегка успокоившись на сей счёт. – Куда нам?

– Направо!

Я выжал педаль сцепления, воткнул первую передачу и притопил педаль газа. Неповоротливая махина броневи́ка как-то очень уж неохотно покатила вперёд, и вписаться в поворот оказалось весьма непросто. К тому же пришлось шарить рукой в поисках тумблера включения фар. Щёлкнул им – и ночную темень пронзили яркие лучи, ориентироваться стало гораздо легче. Что же до демаскировки, то рёв мотора разве что глухой не услышит – даже с учётом грохота не столь уж и далёкой перестрелки наше приближение незамеченным точно не останется.

Да и не будет никто просто на свет фар палить, думаю. Ближе подпустят.

Мысль эта отзывалась неуютным холодком, и я взялся набирать растроченный потенциал. Потянул в себя сверхсилу на пределе мощности, наплевав на генерируемые при этом искажения и болезненные ощущения, но неуверенность никуда не делась. Наоборот – подумалось вдруг, что для оператора не так уж и сложно превратить эту консервную банку на колёсах в нашу братскую могилу.

Впрочем, мы и сами не лыком шиты. Мы и сами кого угодно на два метра ниже уровня земли определим, если вдруг

такая нужда возникнет!

– Налево! – крикнул Василь на подъезде к перекрёстку, и я на всей скорости вписался в поворот, после чего сразу сбавил ход, но эта мера предосторожности оказалась излишней – кругом никого.

Дальше мы пару минут петляли по затаившемуся кварталу, чтобы в итоге выкатиться к баррикаде, на которую пошли шкафы, диваны, мусорные баки и даже реквизированная у кого-то из местных жителей легковушка со спущенными шинами. Защитники этого импровизированного укрепления отошли во дворы и затаились, не желая лезть под пулемёты, но если они ждали, что кто-то выберется из броневика для разбора завала, их постигло глубочайшее разочарование: Василь шумно выдохнул, и перегородивший проезд автомобиль под натиском толкнувшего его телекинеза со скрежетом выломался из баррикады и отполз в сторону.

Я утопил педаль газа, движок рыкнул и замедливший было ход броневик вновь начал набирать скорость. Со всех сторон загрохотали выстрелы, по броне забарабанили пули, но огонь вёлся едва ли не из охотничьего оружия, металлическим лязгом и стуком всё и ограничилось. Мы уже проскочили баррикаду, когда раздался звон стекла и загудело раздуваемое ветром пламя. Загудело и погасло, стоило только мне обратиться к сверхсиле.

– Бутылку с зажигательной смесью кинули! – крикнул Василь. – Нет, понимаю, ещё бы на рабочих окраинах – там

пролетарии! Но тут-то кто шалит?

Строить догадок на сей счёт я не пожелал и повернул в узкий проезд, вынудив этим незапланированным манёвром товарища вести нас к точке назначения окружным путём. Несколько раз в лучах фар мелькали силуэты людей, кто-то даже был с оружием, но решительно все убирались во дворы прежде, чем мы успевали приблизиться и рассмотреть их. А если кто и увязался следом, точно с хвоста скинули. Василь за это ручался.

Точкой назначения оказался глухой дворик в паре кварталов от Якорной площади. В той стороне по-прежнему шла ожесточённая перестрелка, тут же улицы словно вымерли. Но тишиной и спокойствием охарактеризовать ситуацию было никак нельзя, скорее уж речь следовало вести о разлитом в воздухе напряжении и ожидании неприятностей.

Когда я погасил фары и задом загнал броневик в арку, Василь выбрался из-за пулемёта и позвал:

– Маша, пошли!

– Вы куда? – поинтересовался я.

– С нашими свяжемся.

– Каким образом?

– Световыми сигналами просемафорю, – пояснил Василь, выбираясь из броневика с револьвером в руке.

Световыми сигналами?

На них вполне могли навестись монархисты, поэтому, ко-

гда Маша Медник избавилась от шубки и выбралась наружу в одном шерстяном платье, я потёр ладонями озябшие уши и скомандовал:

– Антон, пулемёт на тебе.

– Но...

Я и слушать ничего не стал, рявкнул:

– Быстро! – И на всякий случай развернулся так, чтобы не пропустить внезапного удара в спину, а заодно постарался отрешиться от энергетических помех и сосредоточиться на внутреннем потенциале бывшего сослуживца. Надумает приложить меня сверхсилой – будут все шансы заранее искажения уловить.

Ну да – пусть даже мы сейчас с ним и в одной лодке, только людям случается за борт в самый неподходящий момент вываливаться, и отнюдь не всегда это только лишь в силу их собственной неосторожности происходит. Не хочу.

Антон раздражённо засопел, но послушался, а немного погода послышался шорох, и я предупредил взятых в плен полицейских:

– Хотите жить – лежите и не дёргайтесь. А то прямо сейчас в расход пустим.

Тем хватило ума угомониться, и я вновь сосредоточился на ясновидении, но за исключением Антона присутствия других операторов не уловил. На нём и сосредоточил всё своё внимание, после чего до предела усилил заземление и спросил:

– Михея кто натаскивал?

Антон лишь буркнул в ответ:

– Понятия не имею.

Меня такой ответ нисколько не устроил. Я отвлёкся от смотрового окошка, ещё больше развернулся к собеседнику и резко бросил:

– Не свисти! Ты с ним полтора года в комендатуре прослужил!

– И что с того?

– И дружил! Скажи – нет?

Антон раздражённо засопел и слегка ослабил контроль над внутренним потенциалом, создаваемое тем возмущение на несколько мгновений стало ощущаться чуть явственней.

– Михей с Федей сошёлся, они не разлей вода стали, – заявил бывший сокурсник, потом и вовсе отрезал: – А я – так, сбоку припёка. И без них было с кем общаться.

– Чего тогда в столицу с ними сорвался? – хмыкнул я. – Только не говори, что за компанию!

– А почему бы и нет? Столица же! Денег больше, перспективы тоже! Дураком нужно быть, чтобы отказаться!

Прозвучало это заявление убедительней некуда, даже излишнего раздражения в голосе уловить не удалось, но я предельно чётко ощущал генерируемые внутренним потенциалом собеседника искажения, поэтому знал наверняка, что своим вопросом угодил точнехонько в болевую точку. На смерть товарища Антон не в пример спокойней отреаги-

ровал!

Дело определённо было в разрыве отношений с Маринкой, и я воспользовался подходящим моментом, чтобы вернуть разговор в нужное мне русло.

– Кто натаскивал Михея? – повторил я свой первоначальный вопрос.

– Да не знаю я! – выдал в ответ Антон уже без бывшего возмущения. – Это Маленский с кем-то дополнительно о тренировках договорился! Они на пару занимались!

– Где? В зале комендатуры?

– И там, и на полигоне. Да они только и делали, что тренировались! Михей после смерти Карины ни о чём другом и думать не мог!

Я задумчиво хмыкнул. Думать он не мог!

Точно ведь Барчук всю дорогу ему на мозги капал! Ещё и с кем-то в частном порядке о тренировках договорился не только для себя, но и для Михея. Или не в частном, а вполне себе официально? Стоило при первой же возможности справиться на сей счёт у Городца. Дюже интересно, кто эту парочку натаскивал. Кто и с какой целью.

Они бы точно нас с Василем укатали, если б Маленский пулю не словил и не удрал. Повезло.

Меня передёрнуло. Пусть и расправился с боевиком-монархистом предельно технично, но осадок после схватки с Михеем никуда не делся. Мог он меня заломать, мог. Все шансы были. А значит – недорабатываю. Непорядок.

Начало морозить, я стянул перчатки и подышал на пальцы, затем вновь потёр уши и погрузился в поверхностный транс, принялся распределять сверхсилу и упорядочивать внутренний потенциал, а заодно усилил кровоток, дабы хоть немного согреться. И – согрелся. Пропотел даже.

Заворочались полицейские, но стоило только шикнуть на них, и пленные вновь уgomонились, а там и Василь с Машкой вернулись, он в пиджаке, она – в его пальто.

Заботливый какой.

– Ну что? – спросил я.

– Порядок! – вроде как успокоил меня Василь, принимая у подруги пальто. – Прорыв назначили на девять вечера! Мы часы сверили, на моих сейчас восемь пятнадцать ровно.

Я вытянул карманные часы, подсветил себе миниатюрной шаровой молнией и перевёл минутную стрелку на два деления вперёд.

– Пока здесь постоим, – предупредил Василь и попросил: – Маш, за пленными посмотри. Антон, выйди!

– Чего ещё?

– Выходи! Разговор есть.

Антон выбрался наружу настороженной некуда, но волновался он совершенно напрасно.

– По сторонам смотрите, мало ли... – предупредил Василь, отошёл в сторону и принялся носком ботинка вычерчивать на снегу какую-то схему. – Глядите, это набережная канала, тут Якорная площадь, а мы примерно здесь. Здание

комиссариата обложили со всех сторон, но они держатся, наша задача выбить монархистов с моста. Там баррикада и минимум два орудия, нужно будет подъехать вплотную.

— А мы сможем их оттуда выбить? — усомнился я в реалистичности предложенного плана. — Что если нет?

Василь неопределённо пожал плечами.

— Подъедем, вдарим из всех стволов и уйдём дворами, прежде чем они опомнятся.

— И какой в этом смысл? — нахмурился Антон, пошарил по карманам и достал мятую коробку папирос, закурил. — Мы отъедем, монархисты вернутся.

Тут уж Василь отмахнулся со всевозможной решительностью.

— Не наша головная боль! Нам поставили задачу расчистить мост и отойти к своим. Думаю, кто-то ещё на прорыв пойдёт, в этом весь смысл.

Я пригляделся к схеме, попытался сориентироваться на местности и с сомнением произнёс:

— А доберёмся вообще до моста? Наверняка дороги перекрыты.

— Именно! — воздел Василь к небу указательный палец и направился к броневику. — Ну как ты, дорогая? Согрелась? — спросил он, распахнув дверцу.

— Да.

— Эти как?

— Освободить требуют. Угрожают привлечь за незаконное

лишение свободы и нападение на сотрудников органов правопорядка.

– Вот ты гля! – присвистнул Василь и сунулся внутрь, сразу подался обратно и позвал: – Помогайте!

Ухваченный им за ногу водитель полицейского броневика задёргался, второй пленный тоже заголосил, и Василь в сердцах ругнулся:

– Да заткнитесь вы! Вот делать больше нечего, как вас к стенке ставить! Под суд пойдёте, сволочи! Лес поедете валить!

Нельзя сказать, будто эта тирада так уж полицейских успокоила, но вопить они перестали. Мы выволокли водителя из броневика, распутали ему руки, стянули короткую шинель, краги и кожаный шлем с мотоциклетными очками.

– Одевайся, Петя! – передал их мне Василь, после чего вновь принялся вязать полицейскому руки за спиной. – Да не дёргайся ты! Угомонись!

Ну а мне пришлось снимать пальто и натягивать шинель, которая оказалась чуть узковатой в плечах, зато придала вид водителя полицейского управления, а вкупе с белой нарукавной повязкой ещё и должна была сделать своим для вознамерившихся свергнуть законную власть мятежников.

– Если нарвёмся на пикет, постарайся договориться о проезде, – предупредил Василь, запихивая в рот пленному какую-то тряпку. – Если что – мы их раскатаем, но заранее лучше не шуметь.

– Ты погоди с кляпом, – одёрнул я его. – Поговорю с ним для начала. И не стойте над душой! Обстановку контролируйте!

Василь и Антон отошли к арке, а я выдернул тряпку из рта усаженного к стене полицейского водителя и предупредил:

– Сейчас поговорю с тобой, потом с твоим сослуживцем. Если ответы не совпадут, придётся допрашивать с пристрастием. Усёк?

– Да я ничего не знаю!

Я поднял руку и между растопыренными пальцами засверкала дуга электрического разряда.

– Ты усёк?

Водитель часто-часто закивал.

– Итак, кто твой начальник и перед кем он отчитывается?

Ничего сверхординарного я у пленного не выспрашивал, интересовался в первую очередь организационными моментами и способами опознания, да ещё между делом уяснил для себя, что недовольство правительством зрело в полицейском управлении уже давно и более того – насаждалось целенаправленно. Думаю, это ни для кого секретом не являлось, просто списывалось на влияние оппозиции и аппаратные игры, а в итоге обернулось поддержкой вооружённого мятежа. Получили приказ, взяли под козырёк. Немногочисленных недовольных и нелояльных разоружили и посадили в холодную. О штатских с белыми повязками водитель и во-

все ничего не знал. Упомянул только, что полицейский арсенал должны были открыть для активистов «Правого легиона».

Мол, его дело баранку крутить. Мол, просто выполнял приказы.

Семью кормить надо.

ТЬфу!

Даже на такой во многом поверхностный опрос ушло никак не меньше получаса, ладно хоть сверка показаний столько времени уже не заняла, успел закончить с разговорами незадолго до того, как пришло время выдвигаться.

За это время мимо подворотни пару раз прокатили легковые автомобили и пробежало несколько немногочисленных компаний горожан, а на соседнем перекрёстке вспыхнула и почти сразу стихла ожесточённая перестрелка, но нас никто не побеспокоил.

Я в очередной раз посмотрел на часы, прислушался к собственным ощущениям и, к превеликой своей радости, не обнаружил ни малейшего намёка на неуверенность и подсознательное желание отсидеться в кустах.

Ха! Да вот ещё! Устроим этой контре весёлую жизнь!

Тут всё просто: либо мы их, либо они нас. Так чего сомневаться и колебаться?

– Поехали! – скомандовал Василь, вернувшись к броневу. – Время!

– Не кисни! – хлопнул я по плечу Антона. – Прорвёмся!

Тот моей уверенности не разделил, но я и не рассчитывал приободрить бывшего сослуживца, а краткий миг физического контакта использовал для передачи его потенциалу деструктивного воздействия столь слабого, что никакого реального вреда оно нанести попросту не могло. Зато своими характерными колебаниями делало внутреннюю энергетику Антона чуть более заметной для моего ясновидения. Начнёт дурить – узнаю в тот же миг или даже чуть раньше. Наверное.

Мы устроились в броневику, я завёл двигатель и попросил:

– Василь, проверь пулемёт!

– Уже проверял.

– Ещё раз проверь!

Мой товарищ ругнулся вполголоса, затем полязгал чем-то и отозвался:

– Порядок!

Ну, с Богом!

Перекреститься не перекрестился, но Всевышнего, пусть лишь и мысленно, всё же помянул. Сцепление, передача, газ. Я принялся крутить руль и не без труда вписал неуклюжую громаду броневику в проезд, а уже на улице прибавил скорость и крикнул:

– Через два квартала налево?

– Лучше на следующем перекрёстке, потом через один направо и снова налево. Иначе можем нарваться!

По моему скромному убеждению, нарваться на неприят-

ности мы могли решительно где угодно, но Василь ориентировался в этом районе несравненно лучше моего, и я решил положиться на его мнение. Повернул, повернул, повернул и... выехал к перегородившему проезжую часть пассажирскому автобусу с намалёванной вдоль борта на скорую руку белой полосой.

– Внимание! – предупредил я всех, пытаюсь разглядеть в свой лючок хоть какие-то детали.

Что самое поганое – улица была узенькой, а стрелки наверняка разместились на верхних этажах домов. Вырваться отсюда даже на броне будет совсем не просто. У нас всё же не танк, сверху и вовсе едва ли не жёсть...

– Готовьтесь! – распорядился я и сбросил скорость, пока тил к автобусу медленно-медленно, а метрах в пяти от него и вовсе остановился. Тогда требовательно посигналил клаксоном, после чего приоткрыл дверцу и гаркнул: – Освободите проезд! Живо!

Из окна выглянул полицейский в форме, сразу же укрылся за простенком и крикнул:

– Пароль!

– Орион! – ответил я без малейшей заминки, хоть внутри всё так и сжалось. – Живее давайте!

У наших пленных было достаточно времени сговориться и скормить мне неправильный пароль, но пронесло. Полицейский бросил прятаться и спросил:

– Вы куда?

- На Якорку!
- На кой чёрт?
- Приказали!

Короткая перебранка завершилась упоминанием фамилий нескольких полицейских чинов, и сразу после этого какой-то мужик в штатском с белой нарукавной повязкой метнулся к автобусу, завёл его несколькими резкими поворотами ручки и загнал в переулок, освободив нам проезд.

Я захлопнул дверцу и спешно утопил педаль газа. Погна-ли!

И вот ведь какое дело – вроде и пары минут не препира-лись, а взмок, будто марш-бросок пробежал. По щекам так и катил пот, волосы под шлемом слиплись, ещё и поджил-ки трясутся; не из-за страха, исключительно в силу нервного перенапряжения. Остальные – не лучше. А ещё дело делать, и как там всё обернётся, одному только богу известно.

Обстреляли нас сразу после поворота на тянувшуюся вдоль канала набережную. Только из-за дома вывернули – и немедленно по броне застучали пули да так лихо, что от-вечавшему за правый борт Антону даже пришлось ставить кинетический экран. Незримое и не слишком-то насыщен-ное энергией полотнище прикрыло собой почти весь броне-вик, удары не прекратились, но заметно ослабли, а потом мы под рёв движка проскочили опасное место и унеслись прочь.

– Не убирай щит! – рявкнул я, с немалым трудом удержав

под контролем броневику, который начало мотать из стороны в сторону на занесённой снегом дороге. – Работай с ним! Усиливай!

Вроде бы Антон даже послушался. Проконтролировать это возможности не было, всё моё внимание сосредоточилось на проезжей части. Ну а как иначе? Если вылетим с набережной, никакой лёд не удержит, камнем под воду уйдём. Совершенно ненужное осложнение...

– Подъезжаем! – гаркнул Василь. – И гляди: через этот переулок к нашим прорываться будем!

Я сбросил скорость и подался вперёд, пытаюсь через водительский лючок оценить диспозицию, после крикнул:

– Маша, Антон, входите в резонанс и набирайте потенциал! Прямо сейчас! Только ждите приказа, без команды не дёргайтесь!

– Уверен? – засомневался Василь.

– Да! – рывкнул я. – И не спорьте даже, это мой хлеб!

Спорить никто и не стал. Маша вошла в резонанс спокойно и чисто, породив минимальное количество помех, а вот Антон столь отточенной техникой похвастаться не мог, он ещё и сопел напряжённо секунд пять, прежде чем погрузиться в транс. Перед тем сипло выдохнул:

– А щит?

– Отпускай! – разрешил я.

От порождённых бывшим сослуживцем искажений меня так и передёрнуло, но это были совершеннейшие мелочи

на фоне всего остального, поскольку та самая диспозиция оказалась откровенно хреновой в силу подавляющего превосходства противника.

Якорная площадь выходила непосредственно к набережной канала, выстроенные вдоль того здания на этом берегу расступались, оставляя широченный проезд. Дальний от нас дом полыхал, ближний лишился кровли, в остальном же от огня со стороны комиссариата особо не пострадал. Укрывавшийся за ним пушечный трёхосный броневомобиль время от времени выдвигался вперёд, а стоило только орудию в его башне выстрелить, тут же закатывался обратно. Ещё один такой броневик занял позицию на противоположной стороне проезда, а третий замер поперёк моста с оплавленной дырой в борту и несильно чадил.

С другого берега бронетехнику поддерживали огнём два автоматических зенитных орудия, в домах там обустроили пулемётные гнёзда, в их окнах то и дело расцветали и уносились вдаль росчерками трассеров длинные хвосты дульных вспышек. Сейчас, когда поутих рык движка, стали слышны разрывы прилетавших откуда-то из соседнего квартала мин, а когда над нами промелькнули крылатые силуэты аэропланов, на площади долбануло и того сильнее.

Участвовали в противостоянии и операторы. Защитники комиссариата пытались подавить огневые точки и раздолбать бронетехнику мятежников, задействуя для этого весь спектр сверхспособностей от прямолинейных воздействий

до полноценных энергетических конструкций, но особого успеха их выпады не имели. Шаровые молнии гасли, мощные электрические разряды били в землю, сложные структуры взрывались в воздухе ворохом искр.

Я предельно чётко ощущал мощнейшие энергетические искажения, которые расходились от компании молодых людей в штатском, расположившихся чуть дальше по набережной. Оперировал сверхсилой кто-то и на другом берегу канала, но определить точное расположение с помощью ясновидения не получилось, а задействовать активные поисковые техники сейчас было слишком рискованно.

Да и зачем? Один чёрт нам их не достать!

Ещё бы только и они нас не достали...

– Василь! Видишь компанию в штатском прямо по курсу? Это операторы, они на тебе! – принялся я распределять цели и одновременно тянуть сверхсилу в дополнение к уже набранному потенциалу. – Маша, попытайся выбить зенитные орудия на том берегу. Антон, жги броневики, начни с дальнего! Перебирайся ко мне!

Антон устроился рядом, выглянул в лючок.

– Вижу! – просипел он, с явным трудом сохраняя контроль над своим не столь уж и великим потенциалом. – Когда уже?

– По команде! И как отстреляетесь, сразу ставьте щиты! Маша?

Та приникла к смотровой щели по правому борту и почти

сразу отозвалась:

– Готова!

Она уверенно удерживала себя в состоянии резонанса, предельно чётко контролировала входящий поток и не позволяла рассеиваться потенциалу, а вот Антон надсадно дышал, его чем дальше, тем сильнее потряхивало. Да я и сам судорожно стиснул зубы, силясь не просто сконцентрировать и упорядочить два десятка мегаджоулей, но и втянуть немного энергии сверх этого. Василию приходилось ничуть не легче нашего, он ускоренными темпами насыщал энергией кинетический экран, но оператор девятого витка – это всего лишь оператор девятого витка; щит дрожал, мерцал и фонил.

– Не могу больше! – просипел вдруг Антон, ладно хоть сдерживаться и дальше уже не было нужды.

Приближение броневика не осталось незамеченным мятежниками, на нас начали оглядываться, замахал руками какой-то тип с белой лентой на меховой шапке. Вот-вот должны были всполошиться операторы, и я гаркнул:

– Василь, жги!

С оглушительным грохотом заработала спаренная пулемётная установка, со звоном посыпались вниз винтовочные гильзы, очереди хлестанули по компании молодых людей в штатском, и те повалились на землю будто срезанные снопы, но едва ли все операторы оказались убиты или даже серьёзно ранены, и я поспешил воткнуть заднюю передачу.

Антон приложил к своему лючку растопыренную пятер-

ню – и сразу сверкнуло!

Плазменный выброс огненным копьём дотянулся до дальнего броневика, угодил в борт вроде бы вскользь, но так удачно, что сдетонировал боекомплект. Заднюю часть боевой машины разметало искорёженными обломками, и тут же что-то начало рваться на противоположном берегу канала. Я до предела утопил педаль газа, но неповоротливая махина набирала ход на редкость неторопливо, да ещё Антон надорвался и его вышибло из резонанса, второе плазменное копье получилось слишком рыхлым и хлестануло по стальным листам ближайшего к нам броневика впустую, не сумев прожечь стальные листы, лишь испещрило их глубокими язвинами.

Воздух враз наэлектризовался, меня прикрыло до предела усиленное заземление, а вот сзади мигнуло несколько разрядов. Но если кто-то и вскрикнул, всё перекрыл грохот пулемётных очередей.

Уцелевший пушечный бронеевтомобиль начал разворачиваться, а от Антона сейчас не было ровным счётом никакого толка, и я спешно пережёг пятнадцать мегаджоулей в скачок давления. Броневик мятежников разлетелся во все стороны заклёпками и стальными листами, а дальше пули заколотили уже и по нашей броне.

– Щиты!

Маша сотворила дополнительный экран, а я прибавил к мощности движка свои собственные семьдесят три лоша-

дины силы, и броневи́к пошёл шибче, но палили по нам уже решительно со всех сторон, да ещё метнулся вдогонку косматый плазменный шар. Как ни странно, прикрыл Антон – от него ворохом разошлись энергетические искажения, и смертоносный снаряд взорвался вспышкой пламени, не долетев какого-то десятка метров.

Мотор надсадно ревел, бил по ушам грохот очередей, звенели стреляные гильзы, колотили по броне пули, но всю эту какофонию враз перекрыл резкий щелчок, с которым в лобовой броне между мной и Антоном образовалась рваная дыра размером с пятак.

Прошивший и кинетический экран, и стальной лист снаряд прогудел над ухом и шибанулся о левый борт, отрикошетил в сторону, только тогда пришло осознание, что в нас пальнули из противотанкового ружья.

– Щиты! – заорал я в надежде, что меня услышат и успеют отреагировать на новую угрозу.

Должно быть, услышали и отреагировали, поскольку следующий удар лишь прогнул броневой лист напротив водительского сидения, не сумев его при этом пробить.

Дом кончился, мелькнул тёмный проезд, и я на всей скорости вписал в него броневи́к, управляя тем не только вращением рулевого колеса, но и с помощью кинетических импульсов. По лобовому листу вновь что-то шибануло, но попадание пришлось по касательной. Рикошет!

Я продолжил крутить руль, задом загнал наш транспорт

в какую-то арку, переключил передачу и вывернул обратно в переулок, погнал прочь от набережной. Из подворотни впереди выскочили два бойца с белыми повязками, принялись палить из винтовок, но Василь вмиг срезал их пулемётной очередью.

– Щиты назад! – крикнул я, но мы успели повернуть на соседнюю улочку прежде, чем вдогонку пальнули из чего-то действительно серьёзного.

За поворотом обнаружилась баррикада, её разметал силовым тараном Антон, броневик лишь чуть подпрыгнул на обломках какой-то рухляди. В борт ударила пулемётная очередь, и Машка взвизгнула, ладно хоть мы мчались на всех парах и в один момент проскочили опасное место, ушли из-под обстрела, а когда выстрелы зазвучали вдогонку, пули начал принимать на себя двоянный кинетический экран.

Мы вылетели на Якорную площадь со стороны здания комиссариата, и рядом рвануло, но прямого попадания не случилось, а от осколков защитили отозвавшиеся гулом стальные листы. Пару секунд спустя броневик влетел в распахнутые ворота заднего двора, обогнул три противотанковых ежа, а только вильнул в другую сторону, и откуда-то сверху прилетела очередь, прошла по пулемётной башенке, заставила Василя пригнуться.

Чёрт! Как бы ещё свои не приложили!

Я выкрутил руль и укрылся от обстрела за гаражом, из того выглянул какой-то чумазый тип в синем рабочем комби-

незоне, помахал рукой. В ушах у меня всё так и звенело, я скорее понял, нежели услышал:

– Заезжайте!

И я заехал.

Всё! Прорвались!

Только все ли?

Антон вроде бы при обстреле не пострадал, и Василь матерился почём зря, но вот непонятные булькающие звуки меня несколько не порадовали. Я обернулся и в тусклом свечении сотворённой кем-то шаровой молнии обнаружил Машу Медник, залитую кровью с головы до ног.

– Да не зацепило меня! – всплеснула она руками и попыталась оттереть лицо. – Угомонись, Василь!

И точно: кровью всё забрызгал один из пленных. Насколько удалось разобрать, в него отрикошетил пробивший лобовую броню снаряд. Или же – пуля? Чем из противотанковых ружей стреляют?

Плевать!

Я толчком распахнул боковую дверцу и едва ли не вывалился наружу, снял очки, сдёрнул шлем, сорвал белую нарукавную повязку. Следом выбрался Антон. Он только присоединился ко мне и сразу испуганно втянул голову в плечи, но волновался напрасно: мина просвистела куда-то дальше, рванула с заметным перелётом, а следующая сдетонировала высоко над двором, только осколки по крыше прошуршали.

– Ждите! – распорядился мужик в рабочем комбинезоне.

Интересоваться, чего именно нам стоит ждать, я не стал и помог Василию выволочь из броневика безжизненное тело, следом мы вытянули отчаянно пучившего глаза полицейского водителя, всего забрызганного кровью, но совершенно невредимого. Машка выпрыгнула сама, она зло выругалась и кинула под ноги безнадёжно испорченную шубку.

Я бы ей даже посочувствовал, поскольку моё новенькое пальто тоже потеряло всякий вид, только нашлось куда более неотложное дело.

– Что тут у вас? – спросил Василь у техника.

– Постреливают, но как по зубам получили, так больше не лезут, – сообщил тот. – Готовьтесь!

Я уловил резкую судорогу энергетического фона, а следом где-то неподалёку басовито хлопнуло и даже дрогнула под ногами земля.

– Пора! – дал отмашку техник.

Грохот выстрелов не смолк окончательно, но обстрел заметно ослаб, из нескольких гаражей выкатились грузовики с крупнокалиберными пулемётами в кузовах, наводчики прошлись очередями по соседним зданиям, после чего машины шустро вернулись подкрытие стен. Мы тоже не теряли время попусту. Василь и Антон ухватили под руки пленного и поволокли его к основному зданию, я опередил их и придержал дверь, запустил всех внутрь. Затем добрёл до лестницы, кинул на ступеньки шинель, уселся сверху и натянул пальто. Из-за выбитых окон в здании гуляли сквозня-

ки и было не особо теплее, нежели на улице.

Пленного уложили на пол, и Машка отмахнулась от попытавшегося обнять её Василя, скрылась в боковом коридоре – не иначе отправилась приводить себя в порядок.

– Короста! – крикнули откуда-то сверху. – Бегом к Зимнику!

– Присмотрите за этим! – попросил Василь и поспешил на зов.

Где-то на Якорной площади вспыхнула ожесточённая перестрелка, постреливали и во дворах, но далеко не столь интенсивно. Я не утерпел и рискнул подобраться к ближайшему из окон, кинул через него быстрый взгляд и отступил, шурша выбитым стеклом. Антон вопросительно посмотрел на меня, но ничего спрашивать не стал, а я не счёл нужным нарушать молчание по собственной инициативе.

Да и что тут можно было сказать? Так сразу и не разберёшь, насколько всё плохо.

Верхние этажи ближайших к комиссариату зданий превратились в закопчённые развалины, хватало и прорех в стенах домов. Если на Якорной площади мятежники уверенно отражали все атаки республиканских операторов, то во дворах превосходство определённо было на нашей стороне. Ну – так показалось на первый взгляд. В любом случае сидим в осаде, в город не прорваться.

Вот интересно, а что там сейчас творится?

В этот момент слышался какой-то мерзкий свистящий

звук, завибрировали и начали со звоном лопаться торчавшие из оконных рам осколки, полицейский водитель забился и задёргался на полу, Антон зажал ладонями уши.

– Что за чёрт? – выкрикнул он.

Звуковое давление резко возросло, будто бы даже забралось в черепную коробку, но оборвалось, прежде чем я успел сотворить стандартный звуковой экран, и сразу где-то наверху рванула то ли мина, то ли снаряд; с потолка посыпалась побелка.

Антон выругался вполголоса и похлопал ладонью по уху, я погрузил сознание в поверхностный транс и принялся набирать потенциал. Вне зависимости от того, как станут развиваться события, лишним это точно не будет. К бывшему сослуживцу лезть с непрошеными советами не стал. У него своя голова на плечах имеется, а наши дорожки сейчас в любом случае разойдутся. Пусть живёт, как знает.

Но нет, дорожки наши не разошлись. Пока что нет.

Когда минут через пять вернулась отмывшая от чужой крови лицо и ладони Машка Медник, то командирским тоном приказала вести пленного на второй этаж. Ясно и понятно, что она лишь довела до нас распоряжение высокого начальства, вот и пришлось брать под козырёк. Я выщелкнул клинок стилета и разрезал верёвку, стянувшую щиколотки полицейского водителя, а дальше мы с Антоном ухватили его под руки, поставили на ноги и погнали вверх по лестнице.

Большинство кабинетов простреливались с того или иного направления, поэтому штаб перенесли в холл второго этажа, где не было ни единого окна. Мы там надолго не задержались, только сдали пленного с рук на руки парочке мордоворотов и сразу спустились обратно, теперь уже в компании Василя.

– Ну и что говорят? – сразу насел я на товарища, но тот отмахнулся.

– Да погоди ты!

Василь осторожно подступил к выбитому окну и выглянул во двор, я укрылся за соседним простенком и последовал его примеру, вот и увидел, как в ворота въехали сразу три грузовика с крупнокалиберными пулемётами в кузовах. Все они были прикрыты чуть мерцавшими полотнищами кинетических экранов – не иначе в экипаж помимо водителя и пулёмётного расчёта входил ещё и оператор, а то и сразу двое.

На площади загрохотало пуше прежнего, и я бы точно не утерпел и перебежал на противоположную сторону здания, но тут соизволил поделиться последними известиями Василь.

– Монархисты затеяли мятеж под тем соусом, что никакого отречения не было, всеми нами до сих пор правит император, а законным является правительство в изгнании. Мол, социалисты окончательно дискредитировали себя убийством великого князя, стоит только их скинуть и потекут молочные реки в кисельных берегах. Это они через за-

хваченные радиостанции вещают. Из-за рубежа тоже самое на длинных волнах передают.

– Кто с ними?

Василь пожал плечами.

– Полицейское управление и воздушный флот, но ты и сам это знаешь.

– И «Правый легион»?

– И они. Плюс съехавшееся в столицу эмигрантское отребье. Ну и непонятных боевиков хватает. Теперь-то ясно, к чему та разведячейка «двуйки» готовилась!

Я кивнул.

– Да, очень похоже на то.

– Но не всё так плохо, – вроде как решил приободрить меня Василь. – С нами моряки, а в рабочих кварталах пролетарские бригады, судя по донесениям с мест, переломили ситуацию в свою пользу. Не знаю, на что монархисты рассчитывают. Их не так много, чтобы даже над столицей контроль установить!

– Надеются на всенародное восстание?

– Ну глупо же! – не согласился со мной Василь. – Даже если «Земской собор» глубинку и взбаламутит, мы за это время всю контру десять раз перебить успеем! Правда, с армией ситуация непонятная – наши с Генштабом связаться не могут. Как бы их там всех не перебили. И в правительственном квартале бои идут. Но Зимний пока держится, в нём вохровцы засели, их с кораблей огнём поддерживают.

С кораблей? Я восстановил в голове карту города и сообразил, что какие-то из не самых крупных военных судов вполне могли подняться вверх по реке. Впрочем, артиллерийские орудия крупного калибра были способны достать до центра столицы даже из акватории залива.

За окнами несколько раз громыхнуло так, что пол под ногами ходуном заходил, а потом послышался рёв моторов, и мимо ворот промчались несколько танков и пяток грузовиков с солдатами. Ещё одна штурмовая группа проскочила двор и умчалась дальше через выезд, выходявший на соседнюю улочку, а откуда-то с верхних этажей по ближним зданиям ударили плазменные лучи, следом понеслись шаровые молнии.

– Всё, пошла жара! – обрадовался Василь. – Монархистов здесь не так много, им позиций не удержать!

– Хорошо бы, – вздохнул я. – Так понимаю, к нам армейцы прорвались?

– Угу, но это какая-то сборная солянка. Они погоды не сделают.

Антон тяжело вздохнул и спросил:

– Умыться-то можно где-то?

Василь глянул на бывшего сослуживца без всякой теплоты, скорее уж оценивающе-остро, но всё же нехотя поднялся со ступеньки.

– Петь, ты идёшь?

Пить не хотелось, а внешний вид меня сейчас нисколь-

ко не волновал, поэтому я перебрался к чугунному радиатору батареи центрального отопления, постелил на пол шинель и уселся на неё сверху.

– Тут вас подожду.

Парни утопали по коридору, а я вновь погрузился в поверхностный транс, продолжил набирать потенциал и равномерно распределять по организму втягиваемую в себя сверхсилу, заодно пытался лёгкими воздействиями снять перенапряжение энергетических каналов. В относительной тишине и спокойствии просидел минут пять, а потом началась беготня и пришлось перебираться в глухой закуток.

Там меня и отыскал Василь.

– Держи, – сунул он стакан чая. – Не знаю, как ты пьёшь, три ложки сахара положил.

Чай оказался горячим, крепким и сладким, я сделал несколько глотков, потом спросил:

– Антона где потерял?

– А-а-а! – досадливо отмахнулся Василь. – Блюёт!

«Ну хоть не в камеру заперли», – подумал я и пожал плечами.

– Денёк у него тот ещё выдался.

– Слабак! – безапелляционно отрезал Василь.

Я с этим утверждением спорить не стал.

– Оно и к лучшему, нет? Для нас лучше, я имею в виду.

– Ну да, – согласился товарищ. – Но знаешь, я Машку прямо зауважал.

– А где она, кстати?

– С ранеными помогает.

Раненые!

Я со стоном поднялся на ноги и вернул Василию пустой стакан.

– Ты чего? – удивился тот.

– Я ж в травматологии стажируюсь! Мой профиль!

– Ну, пошли...

Раненых размещали в подвале, там оказалась обустроена полноценная операционная, в которой работала хирургическая бригада, а ещё в нескольких кабинетах развернули импровизированные приёмные покои. Вот в один такой меня и отрядили.

– Извлечение пуль, местная анестезия, временная остановка кровотечений! – отрекомендовался я с порога дядьке в некогда белом халате, а ныне пестревшем алыми, красными и бурыми пятнами разной степени свежести. – Нужен?

– Спрашиваешь!

Я снял пальто и пиджак, кинул их в угол, закатал рукава сорочки и сложил ладони лодочкой. Когда в пригоршню плеснули медицинского спирта, протёр руки и влился в процесс оказания неотложной помощи пострадавшим сотрудникам комиссариата и прорвавшимся к ним армейцам. Занималась наша бригада не самыми тяжёлыми случаями, но и однотипными они тоже не были, разве что преобладали пулевые ранения. Меня преимущественно задействи-

вали как анестезиолога, и если с изредка постулавшими к нам операторами проблем не возникало, то для воздействия на нервную систему обычных людей приходилось задействовать активную технику, что выматывало просто-таки несказанно. Не из-за каких-то существенных объёмов задействованной сверхсилы, а из-за практически ювелирных манипуляций ею.

Но приспособился худо-бедно, влился в процесс и потому не сразу среагировал на окрик от двери:

– Линь, на выход!

Меня потрясли за плечо, тогда только обернулся и увидел знакомого оперативника из секции-пятнадцать по фамилии Грин.

– Идём! – потянул тот меня в коридор.

Я наскоро сполоснул окровавленные ладони, схватил свою одежду и поспешил за оперативником, на ходу раскатывая рукава сорочки.

– Что-то случилось? – спросил у него, уже поднимаясь по лестнице.

– На инструктаже расскажут! – отмахнулся Грин, разве что удосужился предупредить: – Ты с Коростой в моём экипаже, держись его.

В экипаже?! Это куда нас опять нелёгкая понесёт?

Стрельба на улице поутихла, теперь столкновения шли где-то в прилегающих к комиссариату кварталах и, как видно, появилась возможность выдвинуться в город.

Неужто к правительственному кварталу перекинут?

На инструктаж мы поднялись во всё тот же холл второго этажа, куда прежде доставили пленного. Людей там заметно прибавилось, кто-то был в армейской форме, кто-то в штатском, и я далеко не сразу углядел Василя с Антоном, а когда протолкался к ним, то шепнул:

– Чего тут?

– Тише! – прошипел в ответ Василь. – Слушай!

Слово взял невысокий господин с глубокой залысиной, крупным орлиным носом и щёточкой усиков над верхней губой. Ходить вокруг да около он не стал и заявил, что нам жизненно важно в кратчайшие сроки снять осаду с осаждённого мятежниками Адмиралтейства, а посему при поддержке операторов на прорыв будет брошена вся имеющаяся в наличии бронетехника.

Дальше началось назначение ответственных лиц со стороны комиссариата и утрясание прочих организационных моментов, а рядовых сотрудников попросили на выход.

– Это кто был? – спросил я у Василя, когда мы спустились на первый этаж.

– Генрих Черник, – сказал тот и пояснил: – Второй человек в комиссариате.

– А первый ваш где?

Ответом стало неопределённое пожатие плечами.

Вслед за большинством риковцев мы двинулись на задний двор, а только покинули здание, и тут же послышался крик:

– Воздух!

В дверях возникло столпотворение, кто-то рухнул в снег, а я рванул к гаражам, ещё и потянул за собой Василя. Антон припустил следом.

– Бегом!

Загрохотали крупнокалиберные пулемёты, понеслись в небо росчерки трассеров, донёсся рёв авиационных двигателей, вой бомб. Что-то гроыхнуло в небе и дрогнул энергетический фон, но я глазеть на происходящее не стал и нырнул в гараж к броневикам. Мои спутники заскочили следом, и сразу рвануло раз и другой, качнулась под ногами земля, умолкли зенитные пулемёты.

Василь выглянул наружу, и тряхнул головой, после обратился к суевившемуся у броневика технику:

– Что с машиной?

– На ходу! – отозвался дядька в синем комбинезоне. – Заправлен под пробку, боекомплект загружен.

– Втроем поедем? – спросил Антон.

– Нет, сейчас люди подойдут, – ответил Василь и потребовал: – Ты, давай, потенциал набирай! Мы как операторы поедем, кинетические экраны ставить будем!

И точно – Грин привёл с собой водителя и пулемётчика из числа сослуживцев.

– Давайте, давайте, давайте! – закричал он ещё от ворот. – Выдвигаемся!

Я сплюнул и неохотно полез в успевшее опостылеть нутро

броневика.

Суший ведь гроб на колёсах, если разобраться!

Впрочем, лучше уж такая броня, чем никакой.

Так ведь?

Глава 3

Вопреки заявлению господина Черника, совсем уж всю бронетехнику к Адмиралтейству не погнали, часть придержали для обороны комиссариата. В первую очередь это коснулось огромных тяжёлых танков незнакомой мне конструкции, зенитных орудий на колёсных лафетах и грузовиков с крупнокалиберными пулемётами.

Основу нашего ударного кулака составили прорвавшиеся армейцы, их усилили операторами из числа сотрудников комиссариата. Возглавили колонну три средних танка, вслед за ними покатали броневики и грузовики с пулемётами и пехотой, некоторые из которых тянули за собой миномёты и артиллерийские орудия. Наш бронеавтомобиль поставили прикрывать машины с боеприпасами.

Вроде и не такой уж большой отряд собрать получилось, но сколько мятежников может быть? Пусть даже они через одного операторы, мы тоже не лыком шиты.

И всё бы ничего, но внутри броневика было темно, тесно и тряско, а обзор и вовсе практически отсутствовал. Что-то, разумеется, получалось разглядеть через боковые смотровые щели, но это особой роли уже не играло, натурально закатанным в консервную банку себя ощутил. Вроде бы стальными листами со всех сторон окружён и радоваться дополнительной защите надо, а так и хочется дверцу распахнуть и наружу

сигануть. Только куда там! Поехали!

Порядок действий мы с Василем и Антоном обговорили уже в пути – посоветовавшись, решили прикрывать транспорт треугольными кинетическими экранами, составленными в пирамиду, а при необходимости совмещать их, предельно усиливая защиту на каком-то одном приоритетном направлении. Вроде бы напортачить невозможно, да только отсутствие нормального обзора всё до крайности усложняло.

Впереди рвануло, следом прогрохотало несколько коротких очередей, но броневик даже не замедлился, водитель сбросил скорость лишь пару минут спустя, и то исключительно для того, чтобы вписаться в поворот.

Василь встрепнулся и спросил:

– Это куда мы?

– Здание столичной управы захвачено мятежниками, там не прорваться, – пояснил Грин. – Придётся по Гороховой крюк дать.

– А-а-а! – понимающе протянул мой товарищ. – Так даже лучше! По Каменному мосту напрямик к Адмиралтейству выскочим!

Мне сразу вспомнилась присказка про гладкость бумаги и реальные овраги, но вслух поминать народную мудрость не стал. И без того у всех нервишки пошаливают.

Стоило лишь колонне покинуть район Якорной площади, и стрельба сразу стихла, дальше мы беспрепятственно гнали по узеньким улочкам, а если на пути и попадались баррика-

ды, то их либо перемалывали своими гусеницами танки, либо разносили операторы из экипажей головных машин. Ехали и ехали. Потом встали.

– Что такое?! – встревожился Грин.

– Сигналят задний ход! – сообщил ему водитель, дёргая рычаг переключения передач.

Броневи́к начал сдавать назад, и сразу где-то впереди прогремел мощный взрыв и загрохотали выстрелы.

– Щиты! – приказал Василь просто на всякий случай, поскольку никто из нас толком ничего не понимал и ещё меньше видел.

Я за последнее время наловчился создавать кинетические экраны и успел прикрыть броневи́к со своей стороны за миг до того, как в башенке загрохотала спаренная пулемётная установка и вниз посыпались стреляные гильзы. И хоть нас самих покуда не обстреливали, но я упорно накачивал щит сверхсилой, оперируя той на пределе своей мощности.

Вновь рвануло – на сей раз уже гораздо ближе, а миг спустя водитель заорал:

– Воздух!

Что-то сильно ударило по броне, и сразу по другому борту прошлась пулемётная очередь, но кинетические экраны, пусть даже до предела растянутые, показали свою эффективность, обошлось без сквозных пробитий. Наш транспорт качнулся, водитель принялся крутить руль, и тут же в моей голове расцвела огненная аномалия. Откуда-то сверху в ба-

шенку броневика ударил узкий луч теплового излучения, и я лишь в самый последний момент успел расфокусировать его, усилием воли преобразовав свой кинетический экран в воздушную линзу.

Пулемётная установка умолкла, наводчик с матом отпрянул в сторону, а раскалившийся добела стальной лист лопнул, обзаведясь неровной дырой, и пролился вниз расплавленным металлом. Я попытался отклонить вражеское воздействие, но – рвануло! В броневик будто бы цунами врезалось, его опрокинуло на бок, и мы повалились друг на друга. Запахло разлившимся горючим, потянуло дымком.

Вот дерьмо!

Василь среагировал первым, он крутанул рукой, прожигая крышу нашего транспорта, и выбил наружу не столь уж и толстый стальной круг, сиганул через проделанное отверстие наружу. Я выполз следом, уловил в ближайшем здании присутствие энергетической аномалии и, ещё не успев даже подняться с карачек, метнул в распахнутое окно второго этажа неуправляемую шаровую молнию.

Плазменный заряд разлетелся ворохом оранжевых вспышек, но по дому ударил ещё и крупнокалиберный пулемёт, стена взорвалась кирпичным крошевом, и я враз перестал ощущать присутствие оператора.

Отступил в глубь здания? Погиб?

Не важно!

Монархисты атаковали колонну, когда бронетехника втя-

нулась на узкую улочку с примыкавшими друг к другу многоквартирными домами, им удалось подбить головной танк и подорвать один из грузовиков с боеприпасами, ударная волна от детонации которых и перевернула наш броневик. Укрыться – негде, только отступать под огнём к ближайшему перекрёстку, а на улицу уже зашёл на бреющем полёте штурмовик!

– Сюда! – позвал Василь, вынося силовым ударом дверь парадной.

Засверкали дульными вспышками установленные в крыльях пулемёты, и я рванул вслед за товарищем, прекрасно отдавая себе отчёт, что вовремя заскочить в дверь не помогут никакие сверхспособности. И не успел бы, но самолёт вдруг вильнул в сторону и разом просел на добрый десяток метров, врезался в крышу и взорвался!

Из окон домов по колонне открыли беспорядочную стрельбу, пехотинцы и наводчики боевых машин в долгу не остались, отреагировали на случившееся и операторы. Фасад соседнего здания вдруг разлетелся облаком пыли и перемолотого кирпича, а меня самого боднула в бок и сшибла с ног ударная волна. Попутно всего так и перетряхнуло от мощнейших энергетических помех, из глаз сыпанули искры, голова пошла кругом, и попытка встать успехом не увенчалась, ладно хоть подоспевший Грин ухватил меня за ворот и буквально втащил в парадную вслед за собой. Василь уже палил там из револьвера в зазор между лестнич-

ными маршами, оперативник бросил меня и долбанул вверх длинной очередью из пистолета-пулемёта. В ответ к нам скинули «лимонку».

Я судорожным вдохом втянул в себя литр воздуха и полсотни килоджоулей сверхсилы, перемолол гранату в труху. Василь тоже опомнился и отправил на второй этаж шаровую молнию, а только там рвануло, Грин перебежал к стене, прижался к ней и вскинул ППС.

– Держу! – крикнул он, и вверх по лестнице бросились водитель и наводчик пулемётной установки, которые ворвались в парадную вслед за нами.

Темень разорвали длинные хвосты дульных вспышек, зазвенели по ступеням гильзы, оперативники двинулись вверх, прикрывая друг друга и давя противника огнём. Я тоже внизу отсиживаться не стал и поспешил вслед за Василем, на ходу набирая потенциал.

Через второй этаж тянулся общий коридор, Грин метнул в него гранату и отступил, а водитель взбежал на несколько ступеней и опустился на одно колено с задранным вверх пистолетом-пулемётом, взявшись контролировать следующий лестничный пролёт. Стоило только рвануть «лимонке», Василь силовым выбросом вынес дверь напротив и заскочил в неё, а командир группы перебежал дальше по коридору, укрылся там за простенком. Второй оперативник сунулся прикрыть его, нарвался на встречную очередь и странно дёрнулся, упал, заливая пол кровью из простреленной головы.

Выплеснув из себя неструктурированную сверхсилу, я окутался ею и с револьвером в руке шагнул в проход, выстрелил в тёмный силуэт, уловил ясновидением и лишил кинетической энергии несколько пуль, вновь выстрелил и спешно качнулся обратно. Грин высунул из-за простенка ствол ППС и вслепую обстрелял мятежников, в глубине здания что-то рвануло, а в прихожей квартиры напротив возник Василь, крикнул мне:

– Чисто!

Я метнул вдаль по коридору неуправляемую шаровую молнию и следом метнулся сам, намереваясь присоединиться к Грину, но именно в этот момент простенок, за которым укрывался оперативник, вдруг разлетелся обломками кирпича, а меня самого перехватил страшнейший силовой выпад.

Блок!

Отточенные на тренировках рефлексy помогли закрыться и не дать превратить себя в отбивную, но удар оказался столь силён, что я отлетел на добрый десяток шагов, ещё и прокатился по полу, после чего врезался в стену, не успев погасить скорость. Ладно хоть технику закрытой руки задействовал, только поэтому и не расшибся.

Василь выступил в коридор и прошил его плазменным выбросом, кто-то зашёлся в диком крике, и тут же открыл стрельбу водитель, державший на прицеле лестничную клетку третьего этажа.

– Все вниз! – заорал он.

Я хоть и оставался в сознании, подняться на ноги даже не попытался, дополз до ступеней и скатился по ним, лишь где-то на середине пролёта погасил собственную скорость и встал на четвереньки. Василь кинетическим импульсом подтянул к себе оглушённого Грина и спихнул его ко мне, после выдал ещё один плазменный выброс, но уже заметно слабее первого.

Бивший короткими очередями водитель начал спускаться, я забросил руку командира группы на плечо, взгромоздил его себе на спину и поволок вниз. Вновь грохнуло, лестница содрогнулась, но я не упал, устоял на ногах.

На первом этаже Василь обогнал меня и первым сунулся наружу, крикнул:

– Чисто!

На пару с ним мы потащили Грина к перекрёстку, за который успели отступить остатки разбитой автоколонны. Водитель рванул следом.

Тут и там гроыхало, над нами неслись росчерки трассеров, изредка из всеобщей какофонии выбивался пронзительный свист и щелчок пули о брусчатку. Проезд оказался перегорожен объятным пламенем грузовиком, под лязг стальных треков о брусчатку из-за него выдвинулся танк, пальнул куда-то нам за спину и уполз обратно. Вторая боевая машина выдвинулась из арки. И снова – выстрел!

Крупнокалиберные пулемёты беспрестанно стегали

по стенам домов, отгоняя от окон засевших внутри мятежников, где-то дальше по улице спешно разворачивались артиллерийские орудия. Мы уже проскочили перекрёсток, когда за спиной гулко ухнуло и угол дома обрушился, будто в него угодила авиабомба. Меня продрало помехами, но даже так ясновидение уловило приближение катившего по улице энергетического вала. На пересечении двух улиц тот налетел на выставленный нашими операторами барьер и развеялся переливами северного сияния, а следом ударил пламенный луч вроде тех, коими институтские пирокинетики сбивали нихонские бомбардировщики. Этот располовинил остов грузовика, но укрывавшийся за ним танк не достал – будто наткнулся на незримую линзу и отклонился, уткнулся в кровлю соседнего здания легко вспорол её и лишь после этого погас.

Беспрепятственно проскочив наш передовой заслон, мы юркнули в первую попавшуюся подворотню и уложили Грина на скамейку.

– Живой?

– Пульс есть, – подтвердил Василь.

– Его б к врачу, – заметил водитель, уселся на верхнюю ступеньку крылечка чёрного хода, дрожащими руками достал из мятой картонной коробки папиросу и принялся ломать одну спичку за другой, безрезультатно пытаюсь их зажечь. – Или хотя бы холодный компресс сделать!

Мысль показалась вполне здоровой, и я зачерпнул при-

горшню снега, приложил её к немалых размеров шишке на лбу оперативника. Потом уселся рядышком и шумно выдохнул. Мне было нехорошо.

Во двор забежали пехотинцы, без затей вынесли запертую дверь и заскочили в дом, затопали тяжеленными солдатскими ботинками по лестнице чёрного хода. На улице мощно рывкнуло одно артиллерийское орудие и сразу второе, начали хлопать миномёты. Из соседнего квартала донеслись отголоски взрывов. Оставалось лишь надеяться, что мятежникам хватило совести выгнать жильцов из квартир.

– Антона видел? – спросил я у Василя, который помог запалить папиросу водителю, после чего закурил и сам.

– Удрал, – сказал тот, выдохнул сизый дым и криво ухмыльнулся. – Всё простачка из себя строил, а как припекло, шанса не упустил.

– Ты о чём? – не понял я. – Договорились же дело замять?

– А как его замнёшь? – фыркнул Василь, вытянул ногу и принялся её разминать, после кинул взгляд на водителя и понизил голос. – Я Михея из табельного револьвера Антона застрелил, а из своего собственного Барчука подранил. Чуешь, чем пахнет?

Я кивнул.

– Вот! И мало ли кто из соседей перестрелку с вохровцами видел? Тут кто первый доложит, тот и прав окажется.

– Ну да. Есть такое дело.

При подобном раскладе не упомянуть о случившемся

в рапорте и в самом деле себе дороже выйдет. Ладно, если Барчук в бега подастся или пуля навывлет прошла, а ну как нет? Вдруг он зайдёт от кровопотери или решит действовать на опережение и заявит о нападении? Да и с Михе-ем не всё так гладко: после его вскрытия у следователей вопросы к Антону появятся, а через него они и на меня с Василем выйдут. Тут на упреждение действовать надо.

Не иначе Антон всё это просчитал и предпочёл сделать ноги. Если он, конечно, в подбитом броневику не остался.

– Какого дьявола?! – ругнулся вдруг Грин, неуверенным движением смахнул с лица подтаявший снег и сразу охнул от боли. – Чёрт!

Он попытался усесться на лавочке, но непременно свалился бы с неё, не приди на помощь Василь. Оперативник с трудом сфокусировал на том взгляд, после оглядел двор и невесть с чего протянул:

– А-а-а!

Василь на пару с водителем ввели его в курс дела, и Грин ещё немного посидел, зажимая ладонями голову, затем поднялся на ноги и покачнулся, но на сей раз сохранил равновесие без посторонней помощи, только вполголоса ругнулся.

– Идёмте! – позвал он нас и, пошатываясь, зашагал к выходу со двора.

Наобум мы действовать не стали и для начала затаились в подворотне, пытаясь оценить обстановку. Перестрелка по-утихла, но не сошла на нет окончательно, пехотинцы пре-

имущественно заняли позиции на верхних этажах выходящих на перекрёсток домов и постреливали оттуда, да ещё продолжали время от времени бить артиллерийские орудия, только уже не по соседнему кварталу, а куда-то гораздо дальше.

Мы дождались мимолётного затишья и побежали вглубь квартала. В одном из соседних дворов отыскался полевой штаб, и уж не знаю, какие аргументы привёл армейским офицерам Грин, но нас отправили восвояси, точнее – дали задание сопровождать до Якорной площади грузовик с ранеными.

Впрочем, возможно, сам Грин и не рвался обратно в комиссариат, просто для него не нашлось никаких других поручений. Ну в самом деле – броневика мы лишились и двух человек в безвозвратные потери списали, ещё и сам командир группы после контузии едва на ногах держится, а совсем без сопровождения гнать машину с ранеными в комиссариат никак нельзя. То, что мы сюда добрались без приключений, не говорило ровным счётом ни о чём, ибо одно дело напасть на колонну бронетехники и совсем другое – обстрелять одиночный грузовик.

Последнее соображение посетило меня, когда мы уже разместились в двухдверной легковушке с опущенным верхом, которую армейцы по заведённому у них обычаю реквизировали у кого-то из местных жителей. Василь позаимствовал у водителя ППС и разместился сзади на пару с Грином, а мне пришлось занять переднее пассажирское сидение, что ни-

сколько не порадовало.

Сидим с водителем, будто мишени в тире! И выставленный Василем кинетический экран не поможет, если долбанут из винтовки!

Зараза!

Автомобиль с пробуксовкой тронулся с места, за нами на некотором удалении покати́л грузовик с ранеными. Ветровое стекло худо-бедно прикрывало меня с водителем от потока встречного воздуха, а вот сидевших сзади должно было пробирать до костей. Впрочем – ерунда. Нам бы до коммиссариата добраться, а там отогреемся. К этому времени я уже восполнил растроченный потенциал, но в отличие от товарища противоположную защиту выставить не стал, вместо этого задействовал технику активного поиска операторов, заодно пытался отрешиться от энергетических помех и сосредоточиться на обнаружении всевозможных энергетических аномалий.

Из-под обстрела уйти ещё можно, а если вдруг на полном ходу в гравитационную ловушку влетим, вырваться уже никакое везение не поможет. Вот и придерживал потенциал – как говорится, запас карман не тянет. В резонанс при всём желании до утра не войти, да и в бою любая заминка фатальной оказаться может.

– Петя! – позвал меня Василь. – Можешь нас иллюзией прикрыть? Как тогда во дворе?

Я качнул головой.

– Нет! Не до конца ту технику освоил.

Ну да, попробуй прикрой, если гипотетический стрелок невесть где притаился! Там же надо не только источники освещения в расчёт принимать, но и собственное положение относительно наблюдателя учитывать! Непросто это, ой как непросто!

На повороте наш автомобиль занесло, но мы не вылетели на тротуар, удержались на проезжей части. Грузовик катил позади с отставанием метров в двадцать, не приближаясь, и не отставая. Над бортами его кузова торчало несколько голов – совсем уж беззащитными раненые не были и могли при необходимости поддержать нас огнём.

Из центра города продолжала доноситься артиллерийская канонада, постреливали и в районе Якорной площади, но уже далеко не столь интенсивно, у нас же пока – тишина и спокойствие. Тёмные улицы, силуэты домов, зевы подворотен. И – ни человека на виду, ни огонька нигде. Все спрятались.

В полусотне метров по ходу движения почудился намёк на энергетическое искажение, создаваемое не слишком искусно укрытым внутренним потенциалом, и я весь подобрался, но то ли почудилось, то ли оператор ограничился наблюдением или вовсе не принадлежал к стану монархистов – промчались мимо опасного места беспрепятственно. У меня внутри всё так и свело в ожидании нападения, центральный энергетический узел чуть ли не судорогой от перенапряже-

ния скрутило, а – промчались!

Я каким-то совсем уж невероятным усилием заставил себя сделать вдох и обернулся, но и грузовик с ранеными никто не атаковал. Под обстрел мы попали в квартале от комиссариата, да и то непонятно было, стреляли конкретно по нам или просто дальше по улице случилось столкновение между риковцами и мятежниками. Почти сразу повернули на перекрёстке, а там и въезд во двор показался, где нас уже ждали. В отличие от ментальных каналов заглушить радиосвязь монархисты не смогли, по ней армейцы и уведомили о скором прибытии санитарного транспорта.

Караульные открыли ворота, машины прокатили мимо притаившегося в глухом уголке броневика и остановились у служебного входа. Кто-то из раненых зашёл в здание самостоятельно, кого-то унесли на носилках, я разом скинул едва ли не половину набранного потенциала и с облегчением перевёл дух, потом обречённо выругался и двинулся вслед за санитарями.

– Петь, ты куда? – удивился Василь.

– В медсанчасть, – пояснил я, прислушиваясь к шуму не столь уж и далёкой перестрелки.

– Отставить! – приказал Грин. – Мы в оперативном резерве! Короста, проводи к себе! – Он сплюнул кровью, зачерпнул пригоршню снега и приложил к распухшей переносице. – Понадобиться, найду!

– Идём! – позвал меня Василь.

Я упрямиться не стал и зашагал следом. Окна в кабинете товарища каким-то чудом уцелели, там было тепло, поэтому я постелил на пол пальто, улёгся на него и едва ли не моментально провалился в беспокойный сон. Василь моему примеру не последовал, Василь убежал на поиски Машки.

Растолкали нас ещё до рассвета. На улице – серость и темень, так сразу и не сообразить сколько времени. Достал часы – на тех половина шестого.

Оконное стекло изредка позвякивало от взрывов, но стреляли не в окрестных кварталах, бой шёл где-то ближе к центру. У нас разве что винтовки время от времени хлопали.

– Пять минут вам, чтобы в порядок себя привести! – объявил Грин, шишка на лбу которого заметно спала, зато распух сломанный нос и сползли под глаза отёки-синяки. – Бегом марш!

Василь поднял пальто и встряхнул его, будто в том имелся хоть какой-то смысл, потом спросил:

– Что в городе?

– Держимся! – коротко ответил оперативник и нахмурился. – Бегом, кому сказано!

Но не побежали, конечно. Потопали без всякой спешки, зевая и ёжась на ходу. В уборную заглянули совершенно напрасно – в открытых кранах лишь сипел воздух, вода так и не полилась. Мы спустились на первый этаж и вышли во двор, где у броневиков и танков суетились техники, растёрли лица

снегом.

– Зараза, – пробормотал я, болезненно морщась.

Голова болела, а шея толком не ворочалась – то ли приложился вчера загравком о стену неудачно, то ли просто спал в неудобной позе. Хорошо бы размяться, да только куда там! Бежать пора.

– И не говори! – вздохнул Василь и распахнул дверь. – Идём!

– Ты Машку-то нашёл вчера?

– Ага, её в медсанчасть определили.

Мы начали подниматься по лестнице, но Грин перехватил нас на площадке между этажами и велел шагать обратно.

– Задание у нас неофициальное, никаких подписок о неразглашении, сделаем и забудем. Усекли?

– Ликвидировать кого-то приказали? – округлил глаза Василь.

– Ликвидаторов и без нас хоть отбавляй! – фыркнул в ответ Грин. – Интеллект задействовать придётся!

Он провёл нас мимо выхода во двор, сорвал с перегородившей проход двери пломбу и отпер замок, не сразу сумев подобрать нужный ключ.

– А чего мы в канцелярии забыли? – озадачился Василь.

– Того! – выдал в ответ Грин, запер за нами дверь, завёл в архив и распорядился: – Располагайтесь!

Я убрал было пальто на вешалку, но через выбитое окно с улицы ощутимо задувало, поэтому снова оделся, после че-

го уселся на стул в ожидании инструктажа, а вот Василь подбоченился.

– Серьёзно?! – зло уставился он на начальника. – Мы бумажки перекладывать станем, когда судьба страны решается?!

– Заниматься ты станешь тем, чем прикажут, – спокойно ответил Грин и кинул на стол свою кожаную папку. – Не согласен?

– Нет! – подтвердил Василь, но уже без бывшего запала. – Только что это изменит? – Он вздохнул и понурился. – Ладно, зачем мы здесь, Степан Александрович?

– Нужно поднять сводки и кое-кого в них найти.

В этот момент на улице как-то очень уж мощно рвануло, даже стены задрожали, а из рамы вывалилось несколько осколков оконного стекла.

– А можно вопрос не по теме? – воспользовался я случаем расспросить оперативника. – Что в городе вообще творится?

Грин уже расстегнул папку и достал из неё несколько фотокарточек, но просветить нас не отказался. Правда, и сам знал немного.

– Полная неопределённость, – сообщил он с тяжёлым вздохом. – Адмиралтейство мы удержали, а правительственный квартал пришлось оставить, пока все в Зимний перебазировались. Флотские с реки поддерживают, но не факт, что и оттуда не выдавят.

– А что – армия? – поинтересовался Василь.

– Разброд и шатание. Несколько полков на стороне мятежников действовать начали, в других частях дело до перестрелок дошло, но пока что большинство ждёт приказа из Генштаба, а его вчера первым делом разгромили. Только это всё так – больше слухи. Проверенной информации мало. Говорят, жандармов на север к границе с Суомландией перебрасывают, уж не знаю зачем. Да вы голову себе этим не забивайте! Вот сейчас наладим связь, вызовем подкрепление и перебьём всю контру за день – два. И теперь уже точно всю эту сволоту монархистскую под корень вырежем! Никого не пропустим!

Грин раздал нам фотокарточки и три листа с ориентировками, в которых были вымараны личные данные, остались только особые приметы.

– Смотрите сюда: поднимаете рапорты обо всех неопознанных телах и прочих аналогичных инцидентах с одиннадцатого числа, сверяете с ориентировками и фотоснимками, отбираете все подходящие под описание.

Василь наскоро просмотрел листы и счёл нужным отметить:

– В комиссариат сообщают только о тех случаях, когда имеется подозрение, что в преступлении замешаны иностранцы или операторы.

– Ты, Короста, не умничай! – срезал его оперативник. – Приказ ясен? Исполни!

Он отпер один из шкафов и кинул на стол папку с завяз-

ками, следом выложил вторую.

– Приступайте. Один с начала, второй с конца. Где-нибудь посреди недели встретитесь.

Я забрал у Василя снимки, глянул их и отложил, а вот описание трёх индивидуумов изучил куда как внимательней. Мужчины в возрасте от двадцати пяти до двадцати девяти без татуировок и приметных шрамов. И далее полный перечень: цвет волос, рост, примерный вес, телосложение, родимые пятна и прочее, прочее, прочее.

– Работайте! – распорядился Грин и пообещал: – Попробую завтраком разжиться. – После чего ушёл, не преминув нас в канцелярии запереть.

Василь беззвучно выругался, сел рядом со мной и, подвесив над столом шаровую молнию, раскрыл одну из папок.

– Ты хоть что-нибудь понимаешь?

– Нет, – сказал я, хоть и заподозрил, откуда ветер дует.

Как бы мы сейчас не искали господ Ладинского, Новосельского и Ельского.

Но по чьей инициативе? Кто приказал? Кто распорядился о нашем привлечении к делу? Успел задействовать, как и намеревался, свои связи Альберт Павлович или же он пробыл в комиссариат этой ночью?

Но если так – неужели поручение господина Карпинского ещё не утратило своей актуальности? Неужели оно имеет хоть какое-то значение в условиях вооружённого мятежа? Или я зря множу сущности и это всего лишь совпадение?

Но нет, в простые совпадения мне отчего-то нисколько не верилось...

Я подышал на озябшие пальцы и подумал, не начать ли прогонять по организму сверхэнергию, потом всё же решил не распылять внимание и достал из своей папки первый бланк рапорта. Как ни крути, приметы расплывчатей некуда, тут и при полной сосредоточенности нужный случай упустить легче лёгкого. И не упустить даже, а просто не вычленишь из кипы бумажного мусора.

Ну а как иначе? В столице свыше пяти миллионов человек проживает, тут ежедневно случается превеликое множество происшествий, а ещё беспрестанно поступают сигналы от равнодушных граждан, чересчур бдительных старушек и городских сумасшедших. И пусть входящая корреспонденция уже обработана сотрудниками дежурной части, нашу задачу это облегчало не так уж и сильно.

– Петь! – позвал меня Василь. – Ты все случаи с документальной фиксацией использования сверхспособностей в сторону откладывай, чтобы потом не рыться.

– Лады...

Через разбитое окно прилично задувало, и я перекрыл проём плоскостью давления. Воздействие элементарное, поддерживать его могу, нисколько не напрягаясь, а всё теплее будет. Нам тут ещё работать и работать.

К тому моменту, когда из коридора донёсся металлический лязг, я отыскал лишь один рапорт о неопознанном теле,

да и то покойник оказался бородатым, а у нас бритый и двое с усами. Мимо.

В кабинет зашёл Грин, выставил на край стола поднос, на том обнаружили пара бутербродов с маслом, пара с колбасой и два стакана горячего чая. Вот чая я хлебнул с превеликим удовольствием, а есть как-то не особо и хотелось даже, пусть со вчерашнего обеда и маковой росинки во рту не было.

– А вы что же? – уточнил Василь у оперативника.

– Уже позавтракал, – пояснил Грин.

– Нет! – с нажимом произнёс мой товарищ. – Протоколы и заявления смотреть не собираетесь?

Оперативник зевнул и с нескрываемой насмешкой произнёс:

– Не царское это дело! – Потом глянул на задохнувшегося от возмущения Василя и покачал головой. – Короста, ты нормальный вообще? Думаешь, если бы у меня всё в глазах не двоилось, я бы с вами нянчиться стал?

Грин явно намеревался добавить что-то ещё более едкое, но тут в коридоре раздался стук по металлической двери, и он насторожился.

– Кого ещё нелёгкая принесла?

Оперативник вышел из комнаты, послышался лязг запоров, а после донеслись приглушённые голоса. Вернулся он изрядно озадаченным.

– Случилось что? – насторожился Василь.

Грин раздражённо поморщился.

– Если верить иностранным радиостанциям, Айла, Лютиерия, Средин, Окрест и Суомландия признали легитимность правительства в изгнании и объявили республиканских дипломатов персонами нон-грата, а Лига Наций отозвала полномочия наших представителей. Собираются работать со ставленниками так называемого императора. Ну и армию призывают разойтись по домам, дабы не препятствовать свободному волеизъявлению народа.

Василь выругался, мне тоже от крепкого словца удержаться не удалось.

– Ничего! – проворчал Грин. – Собака лает, караван идёт! Мы им ещё подведём фигу к носу! Ещё попляшут! – Он достал коробку папирос и распорядился: – Работайте!

Закурив, оперативник отошёл дымить к дальнему окну, а мы продолжили шерстить архив, разбирая рапорты, протоколы, анонимки, объяснительные и прочий бумажный хлам. Стопка отложенных документов понемногу росла и уже достигла в высоту сантиметров пятнадцати, когда Василь вдруг встрепенулся и подтянул к себе одну из ориентировок.

– В яблочко! – провозгласил он, безмерно довольный собой. – Родимое пятно в форме неправильного треугольника ровнёхонько под левой лопаткой! Один в один!

Грин прекратил раскачиваться на задних ножках стула, встал и подошёл.

– А остальное как? Цвет волос и глаз? Фотография есть?

А отпечатки сняли?

– Фотография есть, – ухмыльнулся Василь. – И не одна! Только лица нет. И отпечатков тоже. Голову и кисти отрубили, прежде чем тело в канал спустить.

– Чертовщина какая-то! – поёжился я.

– Для столицы обычное дело, – не согласился со мной Грин. – Просто чаще тела полностью разделяют, а тут схлтурили. – Он забрал протокол с прицепленными к тому ржавой скрепкой фотокарточками, зашелестел бумагами и спросил: – По нашей части там что?

Василь зевнул, мотнул головой и пояснил:

– Признаки сверхъестественного воздействия. На груди ожоги в виде пары ладоней.

– Серьёзно? – Я встал и заглянул через плечо оперативника, присмотрелся к фотокарточкам. – Позвольте...

Выдернув один из снимков, где был крупным планом заснят торс мертвеца и на коже предельно чётко просматривались силуэты ладоней с растопыренными пальцами, я присмотрелся к нему и кинул на стол.

– Погодите, погодите...

Я принялся копаться в стопке отложенных для последующего более внимательного изучения рапортов и вскоре выудил оттуда нужные материалы.

– Вот! Вчера по жалобе соседей на неприятный запах была вскрыта комната в доходном доме, на кровати в ней обнаружили покойника с такими же отметинами на груди! Один

в один!

– Голова и руки? – сразу же уточнил Грин.

– На месте!

– Ну и куда ты смотрел? – укорил меня оперативник. – Если это наш клиент, почему сразу не опознал?

– Его попробуй – опознай!

Василь взглянул на фотографию и присвистнул.

– Да уж...

Гримаса исказила лицо покойника до такой степени, что человеческого в нём почти ничего и не осталось. Ещё и разложение свою роль сыграло, хоть злоумышленник и оставил окно открытым.

– Отпечатки пальцев есть, уже хорошо. Будет, с чем к начальству идти, – пробормотал Грин, помолчал и добавил: – Баба сработала. – Он щёлкнул ногтем по фотокарточке и повторил: – Точно баба!

– Похоже на то, – согласился с таким выводом Василь и добавил: – Отпечатки ладоней миниатюрные.

– Пф-ф! – фыркнул оперативник. – Отпечатки! Мужик голый в постели лежит, какие ещё варианты могут быть? Шампанское, шоколад! Тут без вариантов! – Он осёкся: – Да, кстати! Криминалисты успели комнату обработать?

– Всё было начисто протёрто, – подсказал я, заглянув в бумаги.

– Досадно. Ладно, ищите последнего жмурика. Бритый есть, второго усатого найти остаётся.

Грин собрал материалы и ушёл, а мы с Василем убили на изучение документов ещё три часа и ни черта полезного не нашли. Судя по всему, третий тип в поле зрения комиссариата не попадал. Возможно, его расчленили по всем правилам, и он лежит сейчас в мешках с камнями на дне канала, или же с ним сработали чище, и материалы отошли полицейскому управлению.

За работой мы как-то незаметно умяли бутерброды, и Василь даже вознамерился отправиться на поиски съестного, но оперативник вновь нас запер, что ясно намекало на нежелательность каких-либо отлучек. В любом случае Грин отсутствовал не так долго, чтобы мы успели всерьёз проголодаться – может, и вовсе о еде бы не вспомнили, если б не дымившая прямо под окном полевая кухня.

Мы отчитались и против ожидания ничего уничижительного о своих навыках работы с документами не услышали, вместо этого оперативник взмахом руки пригласил нас на выход.

– Короста, ты со мной! Остаёмся в оперативном резерве, – предупредил он, запирая дверь архива. – А ты... Линь, да? Ты дуй в штаб, тебе персональное задание будет. И вот ещё передай... – Он расстегнул папку и вручил мне стопку каких-то документов, после спросил: – Задача ясна?

– Штаб – это на втором этаже? – уточнил я, теряясь в догадках, чем вызван интерес к моей персоне со стороны руководства комиссариата. Не иначе и в самом деле Альберт

Павлович здесь обосновался.

— На втором, — подтвердил Грин. — Беги!

Я на прощание пожал руку Василию, тот хлопнул меня по плечу, за сим и разошлись. Он с начальником потопал куда-то по коридору, я дошёл до лестницы и поднялся на второй этаж, где представился караульному, и оперативник с ППС даже ни с какими списками сверяться не стал, сразу велел шагать в двадцать седьмой кабинет. Ещё и рукой направление движения указал.

В холле кипела жизнь: бегали с какими-то сводками вестовые, стрекотал размеренно выплёвывавший ленту телеграф, кто-то раз за разом проговаривал в рацию позывные, сразу несколько человек раздавали указания по телефонам. Один требовал незамедлительно перебросить бронепоезд с подкреплением к непонятному Райяйоки; другой зачитывал приказ открыть армейские арсеналы для ополчения и в первую очередь добровольцев из актива Февральского союза молодёжи и пролетарских ячеек; третий диктовал телефонограмму об агитационной работе с командным составом армейских частей и задержании неблагонадёжных офицеров. Тут же обрабатывались донесения о столкновениях в городской черте, передвижениях мятежников и занимаемых ими позициях.

Шум, гам, суета!

Присутствовали здесь не одни только сотрудники республиканского комиссариата, удалось заметить несколько чело-

век в форме жандармского и пограничного корпусов, а ещё наособицу сидела группа армейских штаб-офицеров.

– Самолёты не уничтожать! – орал один из них в трубку. – Захватывайте аэродромы, перегораживайте лётные полосы техникой, сливайте горючку! Привлекайте на свою сторону техперсонал! Контру – к стенке! Новых лётчиков выучим, а самолёты не сметь жечь! Не сметь!

Я прошёл через холл и завертел головой по сторонам, выискивая нужный кабинет. Тот обнаружился едва ли не в самом конце коридора, за дверью разговаривали на повышенных тонах, а стоило только постучать, и в ответ незамедлительно гаркнули:

– Кто там ещё?!

Медлить я не стал и заглянул внутрь.

– Разрешите?

– Заходи, заходи! – пригласил меня внутрь Альберт Павлович, опередив то ли одутловатого господина средних лет, то ли молодого человека неброской наружности – уж не знаю, кто из них отозвался на стук в дверь. – Документы принёс? Вот и ознакомься пока, посиди на диванчике. – И он вновь развернулся к столу с расстеленной на том картой города, попросил осунувшегося и вроде бы даже похудевшего Ивана Богомола: – Продолжай, пожалуйста!

Раз уж без Альберта Павловича тут не обошлось, ситуация начала проясняться.

Или нет? Или, наоборот, всё окончательно запуталось?

Ну в самом-то деле: какое теперь имеет значение та просьба Карпинского? Сейчас не до интриг, сейчас в городских боях судьба страны решается!

Я уселся на диванчик и положил рядом с собой документы, но верхний рапорт взял только для виду. Просто вспомнилась вдруг показавшаяся некогда столь нелепой просьба Юлии Сергеевны убить её быстро, и враз сделалось не по себе, даже холодок по спине пробежался.

Кто ж подумать мог, что до такого дойдёт?

Мотнув головой, я обуздал эмоции и прислушался к разговору. Рассчитывал узнать что-то новое о ситуации в городе, но Иван Богомол текущей ситуации не касался, отмечал на карте места компактного проживания операторов и оптимальные маршруты их эвакуации вглубь подконтрольной республиканским силам территории. Сами по себе маршруты всех устраивали, а вот касательно пунктов конечного назначения присутствующие спорили едва ли не до хрипоты.

Я вздохнул и принялся изучать рапорт околоточного, отвечавшего за квартал с доходным домом, где было обнаружено тело неизвестного. Полицейский чин в ходе предварительного опроса установил, что квартиру за две недели до инцидента снял некий Михаил Леер, отрекомендовавшийся инженером. Помимо стандартного залога он внёс деньги за месяц вперёд, а больше никакой полезной информации почерпнуть из отчёта не удалось. Я поворошил документы и отыскал среди бумаг заключение о полном совпа-

дении отпечатков пальцев неопознанного трупа с образцами из ориентировки за номером два. Номер два – это бритый. Отыскался, значит. Теперь уже точно.

И кто это: Ладинский, Новосельский или Ельский, если я, конечно, не взял ложный след?

Впрочем, нет – исключено. На простое совпадение присутствие здесь Альберта Павловича списать было никак нельзя.

Убийство с задействованием сверхспособностей было происшествием чрезвычайным, на место преступления для выяснения деталей случившегося незамедлительно отрядили следственную группу, и кое-что до известных событий оперативники нарыть всё же успели. Так, был нарисован портрет квартиросъёмщика, после придирчивого изучения которого мне пришлось распрощаться с предположением, что тем мог выступать кто-то из пропавшей троицы. Крючковатый нос, длинный подбородок – ничего общего ни с одной ориентировкой.

Помимо этого, выяснилось, что квартиру несколько раз посещала неустановленная барышня. Разглядеть лицо сообщившему об этих визитах домоуправу не позволила шляпка с вуалью, по мнению же дворника это была не профурсетка, а штучка из образованных. Впрочем, касательно самого работника метлы и совка имелась лаконичная приписка «запойный», и так уж безоговорочно доверять его суждениям, пожалуй, всё же не стоило.

Я изучил скучное описание предполагаемой посетительницы нехорошей квартиры и взялся за результаты аутопсии доставленного в ведомственный морг покойника. Не рассчитывал найти там ничего интересного, но ошибся. И ещё как!

Характерные отпечатки ладоней оказались не столько ожогами, сколько следами кровоизлияний. И случилось разрушение кровеносных сосудов не только в поверхностных тканях, вскрытие выявило серьёзные повреждения большинства жизненно важных органов, в том числе головного мозга. При этом характер приведшего к подобному эффекту воздействия остался для патологоанатома загадкой, хоть тот не только закончил медицинский факультет РИИФС, но и сам был оператором.

Всё бы ничего, только вот отметины на коже мертвеца невесть с чего показались знакомыми. Среди бумаг присутствовало несколько увеличенных изображений отпечатков ладоней, я присмотрелся к ним и отметил неоднородность окраса вкупе со слабой размытостью по краям. Где-то я нечто похожее уже видел, только без трупных пятен.

И это было странно. Весьма и весьма.

Неожиданно взревела сирена тревожного оповещения, и застучали зенитные пулемёты, а следом резко всколыхнулся энергетический фон. Послышался противный свист, потом что-то рвануло над головами и сразу же – за окнами, но этим дело и ограничилось. Выглядывать на улицу я не стал, никто из присутствующих от стола тоже не отошёл,

только молодой риковец зло бросил:

– Удавить бы собственными кишками тварей!

– Грязно и непродуктивно, – с невозмутимым видом выдал Альберт Павлович, избавляя пальто от нападавшей с толка извёстки. – Голосую за расстрел!

– Сгодится! – поддержал его одутловатый господин и встряхнул карту, после чего начал аккуратно её складывать. – Давайте, пожалуй, закругляться. Я займусь формированием разведгрупп. Иван Михайлович, на вас координация операции со штабом. Альберт Павлович, так понимаю, нужными документами вас обеспечили?

Куратор оглянулся на меня и кивнул.

– Похоже на то.

Местный заправила двинулся на выход, уже на ходу небрежно бросив:

– Эдуард, проследи, чтоб обошлось без накладок.

Молодой человек взял под козырёк и покидать кабинет не стал, вслед за одутловатым господином вышел лишь протянувший мне на ходу руку Иван Богомол. Альберт Павлович жестом предложил выложить документы на стол и будто между делом отметил:

– Не в моих принципах цепляться к мелочам, но ты здесь в командировке и своим неподобающим внешним видом дискредитируешь весь институт.

Сам куратор хоть и выглядел осунувшимся и невыспавшимся, но изыскал возможность побриться и причесаться.

– У вас пальто на спине прожжено. Снова! – отметил я, не приняв упрёк близко к сердцу. – Его выкидывать впору, а не в присутственных местах носить.

Эдуард отвернулся, не сумев задавить улыбку, а вот Альберт Павлович остался предельно серьёзен.

– Пошутили и будет, – заявил он и указал на стопку бумаг. – Что-нибудь полезное почерпнул?

– Есть совпадение по отпечаткам, – подсказал я. – Думаю, нашли двух из трёх.

Куратор перехватил мой быстрый взгляд на молодого человека и повернулся к нему.

– Эдуард, вас ведь уже ввели в курс дела?

– Частично, – сказал тот и протянул руку к документам. – Позвольте?

– Да-да! – улыбнулся Альберт Павлович. – Присоединяйтесь!

Я выразительно прочистил горло.

– Меня тоже ввели в курс дела только частично, между прочим.

– Ой, да брось! – отмахнулся куратор и спросил: – Кого нашли, как думаешь?

– Мне откуда знать? – фыркнул я. – До меня нормальных ориентировок не довели, только с вымаранными фамилиями.

– Ладинский и Новосельский это, – подсказал Эдуард. – Первого по родимому пятну опознали, второго по отпечат-

кам. – Он поглядел на фотокарточку и отложил её с брезгливой гримасой. – С лицом не всё так однозначно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.